АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. А. КНЯЗЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1945

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1725 ☆ 1945

Г. А. КНЯЗЕВ
Директор Архива Академии Наук СССР

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР



Издательство
Академии Наук СССР
Москва — Ленинград
1945

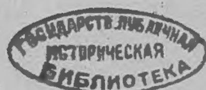
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

академика В. П. ВОЛГИНА

и

академика С. И. ВАВИЛОВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ПРЕЗИДИУМА ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА
ПО ПРОВЕДЕНИЮ 220-ЛЕТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР





Русская наука, уходящая своими глубокими корнями в блестящую культуру Киевской Руси, достигла к XVII столетию значительного для того времени развития. Имеются сведения, что при Борисе Годунове замышлялся в Москве университет. Правительство уже тогда посылало русских людей учиться за границу (в Англию). В конце XVII в. при Аптекарском приказе собирались разные «диковинные» предметы; при аптеках же имелись первые лаборатории и практики-химики из аптекарей-иностранцев. Было немало русских людей с большим запасом знаний, особенно в области практической ботаники, лекарственных растений. Много тысяч рукописных книг по самым различным отраслям знания хранится на полках наших архивов и библиотек. Среди них и «Летописи» — замечательные памятники, созданные еще на заре русской истории.

Были и просвещенные люди — государственные и духовные деятели, поддерживавшие стремление к знанию и просвещению, к более высокой культуре. И если не удалось тогда (в XVII в.) основать давно задуманную высшую школу в виде «всеучилища», т. е. университета в обычном смысле, то к концу века мы все же видим два довольно широких по программе высших учебных заведения — Греко-латино-славянскую академию в Киеве и устроенную по ее образцу Академию в Москве. Это были высшие духовные школы со схоластической программой. Киевская академия была не чужда и новой, опытной науки.

Обширное государство, раскинувшееся от Днепра до берегов Тихого океана, оставалось неизведанной страной. Не было даже известно, соединяется ли где-либо на восточном конце своем в Азии Московское царство с Америкой или их разделяет море. Совершенно не были известны берега далекого Севера, и туманны были представления о границах с Китаем, Персией, Турецкой империей. Обширные моря были кругом, но все они, кроме Белого моря на далеком Севере, были недоступны для заморской торговли, общения с другими народами, для выхода на мировую дорогу.

Один из великих сынов русского народа, строитель российского национального государства, Петр I, понял необходимость просветительных преобразований на Руси. Путешествие за границу в самом конце XVII в. (1697—1698) расширило и окончательно укрепило его мысль о важности скорейшего насаждения в России наук в целях устройства военного и морского дела, развития промышленности, торговли, ремесел.

Замечательно было для того времени путешествие Петра. Под именем Петра Михайлова, боярского сына, он много работал на верфях в Голландии, усваивал теорию кораблестроения в Англии, получил аттестат на звание корабельного мастера (инженера), по-голландски «баса». В Голландии, Англии и в других странах он встречался с выдающимися учеными и другими деятелями того времени (Левенгуком, Витзеном, Рюйшем, Галлеем, Ньютоном, Флемстидом и др.), посещал университеты, кунсткамеры. За время путешествий за границу он приобрел первые коллекции, послужившие впоследствии фундаментом знаменитой Петровской кунсткамеры — праматери всех наших музеев.

По возвращении на родину Петру пришлось преодолевать немалые трудности при осуществлении создавшихся у него, но еще не обозначившихся ясно планов переустройства государства, в соответствии с потребностями экономического и социального роста страны.

Внешние и внутренние политические осложнения не охладили пыла Петра в деле насаждения просвещения в стране. Наоборот, в ходе Великой северной войны он еще крепче осознал, что без знаний, без науки нельзя ни построить прочные корабли, ни завести хорошее войско, ни создать фабрики, ни улучшить государственное управление, ни познать богатства своей страны. К счастью, Петр был не одинок. И хотя не имелось еще своих, русских ученых, но просвещенные люди были, и уже в гораздо

Академiа наукъ

Россiиская

[illegible]

Объявление о первом торжественном публичном собрании Академии Наук в 1725 г.

большем числе, чем в XVII в.: историк В. Н. Татищев, географ И. К. Кириллов, самородок-экономист И. Т. Посошков, просвещенный духовный деятель, сторонник петровских реформ, архиепископ Феофан Прокопович и др. Они были поддержкой Петру в его смелых преобразовательных замыслах. Не раз Петр в это время давал указания «сделать академию», не определяя, однако, точно ее задач и характера. К этому времени (1714 г.) относится сообщение в одном иностранном журнале о намерении Петра I учредить в России академию.

В том же 1714 г. Петр организовал в виде особых учреждений Кунсткамеру и Библиотеку; он очень заботился об их пополнении, издавал указы «о приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах». Позже он издал указ о присылке в Москву из всех епархий и монастырей, «где о чем куриозные, то-есть древних лет рукописанные на хартиях (пергамине) и на бумаге церковные и гражданские летописи, степенные, хронографы и пр.»; он приказывал снимать с них копии и возвращать оригиналы владельцам. В 1715 г. была учреждена Морская академия как учебное заведение.

В 1718 г. на докладе иноземца Фика Петр написал резолюцию: «Сделать академию» (в смысле учебного заведения). Во время своих заграничных путешествий Петр встречался с Лейбницем; он переписывался с философом Х. Вольфом, и постепенно у него складывалась мысль о создании академии в России. Однако он еще не знал, чем она должна быть. Иностранные советники склоняли его то к устройству особой коллегии ученых, то к организации высшего учебного заведения. В 1717 г. Петр I посетил Парижскую Академию Наук и скоро стал ее членом; факт этот, вероятно, имел известное значение для решения Петра об устройстве в России Академии Наук по образцу Парижской. Потребовалось, однако, еще несколько лет, чтобы эта мысль получила свое воплощение. Страстный, быстрый, нетерпеливый Петр в этом деле медлил. Слишком оно было сложно.

Лишь после того, как в 1721 г. Россия закончила 20-летнюю борьбу с Швецией и вышла крепко и надежно на берега Балтийского моря, а вместе с тем и на мировую дорогу, Петр смог подойти к разрешению и этой задачи. У него созрел свой оригинальный проект сложного ученого учреждения в России: собственно Академии Наук и при ней двух учебных заведений — университета и гимназии. В январе 1724 г. он поручил своему лейб-

медику Л. Л. Блюментросту изложить письменно задуманный им проект и 22 января утвердил его, внеся несколько собственноручных дополнений (о доходах, требующихся на содержание Академии, и о том, чтобы академики-иностранцы имели учеников из русских). Вслед затем, 28 января, утвержденный Петром проект был объявлен именным указом из Сената.

В том же году начались подготовительные работы к открытию Академии; был создан аппарат и набран штат служащих; велись переговоры о приглашении иностранных ученых, достойных занять места академиков в новоучрежденной Академии Наук в «Санкт-Питер-Бурхе».

Но Петр не дожил до начала научной работы основанной им Академии, он умер 28 января (ст. ст.) 1725 г.

Создание Академии Наук явилось последним звеном в цепи преобразований, как бы завершением петровских реформ. Россия, выйдя на большую дорогу истории, заняла свое место в мире не только как могущественная военная держава, но и как растущий культурный центр. Интересно отметить, что одновременно с созданием Академии Наук Петр успел воплотить и другую свою мечту — организовать первую Камчатскую экспедицию с целью разрешить вопрос, соединяется ли Азия с Америкой. Он успел даже собственноручно написать инструкцию для этой экспедиции.

После смерти Петра делу его грозили многие опасности. Немало было лиц, недоброжелательно относившихся к новшествам Петра. Но смелые его начинания имели под собой твердую почву. Петр верил в силы русского народа и не ошибся.

Любимое детище Петра — Академия начала жить и работать. Сперва в ее состав входили приглашенные из-за границы академики-иностранцы. Между ними были первоклассные ученые, как Я. Герман, Д. Бернулли, Иосиф-Николай Делиль, Леонард Эйлер и др. А через каких-нибудь 15 лет русский народ дал Академии уже своего, русского гениального ученого — академика Ломоносова.

Почти весь 1725 год прошел в организационном устройстве Академии Наук, и только 13 ноября н. ст., после того как в Петербург съехалось большинство академиков, состоялось первое научное собрание академиков (конференция). В Архиве Академии Наук сохранился первый записанный протокол этого заседания (на латинском языке). В нем сообщается, что академики обсуждали вопрос «de figura telluris sphoeroide», о сплющенности Земли, согласно теории Ньютона. В первой

половине декабря в Академии обсуждали теорему Лейбница о мере живых сил, мемуар Христиана Вольфа о принципах динамики и пр. С первых же дней своей ученой деятельности новая Академия сумела подняться на высоты современной ей науки, и скоро ученый орган Академии «Commentarii», начавший выходить с 1728 г., стал пользоваться мировой известностью.

27 декабря (ст. ст.) 1725 г. состоялось первое торжественное публичное собрание Академии Наук Российской, как она была названа на пригласительных уведомлениях. Заседание происходило в доме Шафирова на Петербургской стороне, так как предназначенные для Академии здания на Васильевском острове в то время не были еще достроены.

Академии Наук были переданы на «Стрелке» Васильевского острова два здания. Одно строилось с 1718 г. для Петровской кунсткамеры и окончено было в 1727—1728 гг. К этому времени в нем начали размещаться академические учреждения. В левом и правом крыльях здания разместились Кунсткамера и Библиотека, открытые для общего пользования в 1728 г.; в центре, в верхней части башни — первая в России астрономическая обсерватория; несколько ниже — громадный «Готторпский глобус», первый наш «планетарий», и еще ниже — анатомический театр.

Здание это, сохранившееся и доныне (в нем в настоящее время находится Музей антропологии и этнографии), является в полном смысле слова колыбелью русской науки.

В другом доме, теперь не существующем, на том месте, где в настоящее время находится здание Зоологического института, были размещены: Конференция Академии Наук, ее научный архив, академическая типография. В последней с 1728 г. печатались все издания Академии Наук, в том числе и единственная тогда в России газета «С.-Петербургские ведомости» и академические календари с научно-популярными статьями.

В том же доме долго находились и «Палаты» художественных ремесел, где создавались кадры квалифицированных мастеров из русских людей — граверов, резчиков, словолитчиков и др. Особенного развития достигло в Академии граверное дело. Рисунки, таблицы, карты, прилагаемые к ученым трудам, вырезались «грыдоровальных» дел мастерами на медных досках, с которых получались печатные оттиски. В «Фигурной» палате таким же способом воспроизводились портреты. Существовала и мастерская

токарных дел, находившаяся долгое время под «смотрением» Андрея Нартова, любимого токаря Петра I. По утвержденному Петром проекту при Академии, как уже упомянуто, были образованы университет и гимназия. Собственного здания они не имели и часто перемещались из предоставляемых им временных помещений. Гимназия смогла развернуть свою деятельность с самого начала работы Академии Наук, но с организацией университета справиться было гораздо труднее. Одним из первых студентов университета был В. Е. Ададуров, с 1733 г. действительный член Академии Наук (адъюнкт по математике). Ему мы обязаны и первыми правилами орфографии. От первого года работы университета сохранились объявления и программы лекций.

Работы первых академиков, особенно коллективные, были тесно связаны с нуждами страны, с очередными ее запросами. К числу таких работ следует прежде всего отнести картографические работы Академии Наук. Во главе этого предприятия стояли астрономы, производившие точные астрономические определения географических точек; И. Н. Делиль выработал свой особый метод черчения карт. Много работал в области картографии Л. Эйлер; позже увлекся картографическим делом М. В. Ломоносов. В Академию, в первые же годы ее основания, начали поступать различные географические сведения и карты из Сената и других правительственных учреждений, и уже в 1727—1730 гг. была организована первая академическая астрономическая экспедиция для определения географического положения различных местностей севера Европейской России. Усилиями Академии Наук уже в 1737 г. был издан первый учебный атлас, составлен «Российско-географический лексикон», изготовлялись планы городов Москвы и Петербурга. Вся работа по географии и картографии, начатая в Академии с 1726 г., сосредоточилась с 1739 г. в организованном в этом году Географическом департаменте Академии Наук, который долгое время был единственным в России картографическим учреждением.

В 1745 г., после почти двадцатилетнего труда, было выполнено издание замечательного для своего времени первого научного «Атласа Российского», состоящего из 19 карт отдельных местностей и одной общей генеральной карты.

Неисчерпанное до сих пор богатство сведений дала вторая экспедиция Беринга (1732—1743), в которой, по предложению правительства, приняла участие Академия Наук.

Историк Г. Ф. Миллер, натуралист И. Г. Гмелин с целым штатом помощников — студентов, переводчиков, копиистов, художников — изучали Сибирь в историко-археографическом, географическом и естественно-историческом отношениях.

На Камчатке студент А. Д. Красильников производил астрономические наблюдения, весьма точные, по отзыву специалистов, а студент С. П. Крашенинников, впоследствии академик, положил основание изучению народов и природы Камчатки: его труд — «Описание земли Камчатки» до сих пор имеет не только историческое, но и научное значение.

Первые десятилетия своего существования Академия, помимо непосредственной ученой и прикладной деятельности в области просвещения и художеств, принуждена была еще выполнять и разнообразные поручения Двора.

Академикам приходилось отрываться от своих научных работ для такого рода дел, как писание стихов (од) на разные случаи. Для этого в Академии существовал даже специальный академик. Двор Екатерины I и Анны не вполне понимал истинное назначение Академии. Иногда академикам приходилось составлять и гороскопы (предсказание судьбы) для высоких лиц. Участвовали академики по обязанности и в таких затеях, как устройство в Петербурге знаменитого «Ледяного дома» и этнографического маскарада из живых представителей чуть ли не всех известных тогда народов, населявших многонациональное Российское государство. Но академики, привлеченные к строительству «Ледяного дома», подошли к этой затее с научной точки зрения, именно как к серьезному опыту возможности сооружения прочных построек из льда, о чем свидетельствует научный труд, изданный Академией в 1741 г.

Таковы были разносторонние дела и обязанности Академии Наук в то время.

Некоторые из академиков тяготились навязываемыми им побочными обязанностями. Они находили в себе мужество иногда ставить предел раболепию советника академической канцелярии Шумахера и его сторонников, долгие годы фактически управлявших Академией. Так, академики отказались дать свои подписи, когда Шумахеру вздумалось обратиться от имени Академии к временщику Бирону с предложением быть протектором Академии.

Петр I не успел дать Академии развернутого регламента (устава). Не был введен в действие и проект, составленный при

Екатерине I. Так в продолжение первых двух десятилетий (до 1747 г.) Академия и существовала без устава, руководясь Положением об Академии Наук, утвержденным Петром I, но известным академикам не в полном, а в урезанном виде. Полный его текст, в котором говорилось, что академики сами из своей среды могут избирать президента, от них скрывали назначаемые президенты и распоряжавшийся в Академии И. Д. Шумахер.

Первым президентом Академии при Екатерине в декабре 1725 г. был назначен лейб-медик Л. Л. Блюментрост, москвич по рождению (родился в 1692 г.). После него, начиная с 1733 г., сменился ряд президентов — лиц, близких ко Двору и быстро покидавших президентское кресло ради дипломатической карьеры.

Во внутренней жизни Академии, складывавшейся в первые годы без регламента (устава), было много неурядиц; весьма велики были и финансовые затруднения.

Самовластие и заносчивость Шумахера, который, при часто сменявшихся президентах, единолично разрешал все вопросы не только административного и финансового, но и научного характера, восстановили против него почти весь «академический корпус». Академики, в конце концов, принуждены были обратиться в Сенат с жалобой на него, но она не имела последствий. В 1741—1745 гг. в Академии совсем не было президента, управлял ею фактически Шумахер единолично.

Следующий президент Академии Наук — граф К. Г. Разумовский, человек, близкий ко Двору, назначенный президентом в 18-летнем возрасте, занимал этот пост очень долго (до 1798 г.), но с малой пользой для Академии.

В это тяжелое для Академии время вступил в нее — не без сопротивления со стороны Шумахера и некоторых других академиков-иностранцев — Ломоносов. Трудны были его первые годы в Академии. За «непочтение» к шумахеровскому приспешнику, профессору Академии Винсгейму, он попал под следствие и находился одно время под караулом. Но эта борьба не сломила Ломоносова, — наоборот, он со всей страстностью стал бороться за Академию, какою хотел видеть ее основатель, за Академию, нужную народу. Сперва, с 1742 г., адъюнкт по физическому классу, потом, с 1745 г., первый из русских ученых ординарный профессор Академии Наук (академик) по химии, он работал в различных научных областях химии, физики, географии, астрономии, геологии, металлургии, не просто совмещая их, но силою своей гениальности

преодолевая границы между ними, синтезируя методы и результаты разных областей и направлений познания, тесно связывая теоретические науки с прикладными. Развитие молекулярной теории газов, предвидение законов сохранения вещества и энергии, оригинальная теория света, первые эскизы физической химии, технология стекла, конструирование оптических инструментов, астрономические, геологические и географические изыскания, труды по теории поэзии, грамматике, русской истории — вот неполный список научных вопросов и областей, в которых М. В. Ломоносов увековечил свое имя.

Многие научные открытия Ломоносова опередили его время и были признаны лишь следующими поколениями. Некоторые из его научных трудов более столетия оставались неизданными, сохраняясь в Архиве Академии Наук. Долгое время Ломоносов был больше известен как поэт, как творец русского литературного языка, а не как ученый.

Ломоносов был также прекрасным организатором. Он с большой настойчивостью добился в 1748 г. создания в Академии Наук первой в России химической лаборатории с учебными целями. Им же была устроена несколько позже собственная лаборатория — мозаичная мастерская и подсобный стеклянный завод. Всем хорошо известны замечательные мозаичные работы Ломоносова и его учеников.

Громадная мозаичная картина, изображающая «Полтавскую баталию», украшает с 1925 г. вестибюль главного здания Академии Наук в Ленинграде. До этого времени, в течение более 150 лет, замечательное по технике и художественному выполнению творение великого русского гения и его учеников было в забвении и постепенно разрушалось.

В 1747 г. был утвержден Регламент Санкт-Петербургской Академии Наук и Художеств, первый по времени Устав Академии.

Много средств и внимания, по новому Уставу, отводилось художествам в ущерб научным мероприятиям; научная же часть сокращалась. Указанный в проекте отдел «гуманиора» (гуманитарные науки) отходил от Академии и передавался университету. В собственно Академии Наук оставались лишь физико-математические науки, и члены ее именовались академиками, а те, которые причислены были к университету, должны были называться профессорами и имели меньше прав, чем первые.

Введенный в действие Регламент далеко не удовлетворил членов Академии, и Ломоносов первый высказался о необходимости переработки Устава.

Забота Ломоносова о процветании русской Академии Наук, столь нужной народу, выразилась в его особенных хлопотах об академическом университете, влачившем до него печальное существование, и академической гимназии, вполне оправдывавшей свое назначение. Кстати сказать, почти все академики из русских в XVIII в. учились в академической гимназии. Ломоносов страстно боролся за расширение доступа в нее учеников из непривилегированных сословий. Одно время он возглавлял гимназию и университет в качестве ректора. Много работая над улучшением положения университета, он так и не добился, однако, утверждения составленного им проекта устава и «привилегий» академического университета. После смерти Ломоносова (1765) академический первый (по времени) Петербургский университет быстро распался, и деятельность его постепенно к концу века заглохла, не оставив в документах точной даты своего конца. Впрочем, вопрос об организации университета при Академии Наук потерял уже свою остроту, так как развивался основанный в 1755 г., по мысли того же М. В. Ломоносова, Московский университет.

Последние годы своей жизни Ломоносов особенно много трудился в области географических наук; известны его проекты Великого Северного морского пути, осуществленные лишь спустя 170 лет, уже в советскую эпоху, а также задуманный им «Атлас продуктов российских». Одна из его работ — «О размножении и сохранении российского народа» (в виде письма к И. И. Шувалову) не могла быть напечатана по цензурным условиям ни при его жизни, ни спустя много десятилетий после его смерти.

Всю свою многостороннюю кипучую деятельность Ломоносов отдал Академии Наук, организации в ней и вне ее тех предприятий, которые служили развитию и пользе родной страны.

Незадолго до смерти Ломоносов разработал свой собственный проект Регламента и «Привилегии» Академии Наук. Но и этому его проекту не суждено было осуществиться. Тем не менее, как изложение основных принципов деятельности Академии Наук на будущие времена, проект Ломоносова долго служил программой для русских академиков в их борьбе за традиции Ломоносова и Петра I в устройстве Академии.

УКАЗЪ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОГО

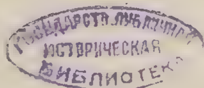
ВЕЛІЧЕСТВА САМОДЕРЖІЦЫ ВСЕРОССІИСКОИ, изъ СЕНАТА.

Объявляется во всенародное извѣстїе.

Понеже всѣмъ извѣстно есть, какое попеченїе имѣлъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Его Імператорское Велїчество, о обученїи народа своего для чего намѣренъ уставить Академїю наукъ, о которой и опредѣленїе въ Сенатѣ изволилъ учинить, въ прошломъ 1724 году, Генваря въ 12 день, и потомъ Профессоровъ и прочихъ потребныхъ людей, для такой Академїи, еще при жизни своей выписать указалъ, которые сюды уже и прибыли: Того ради Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая, Великая Государыня Імператрица ЕКАТЕРІНА Алексѣевна, Самодержица Всероссїйская, желая въ семъ дѣлѣ положенныя труды Его Імператорского Велїчества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти произвести въ дѣйство, для пользы Государства Россїйского, оную Академїю наукъ, нынѣ на основанїи учиненномъ отъ Его Імператорского Велїчества, и въ нѣй Президента Лейбъ медикуса Лаврентїя Блюментроста опредѣлить указала, и о томъ всякого чина людемъ вѣдать, и имѣть тщанїе отдавать въ разныя науки дѣтей своихъ и сродственниковъ. А какимъ образомъ оныя ученики будутъ въ той Академїи содержаны, и какимъ наукамъ будутъ ихъ учить, о томъ вскорѣ будетъ выданъ въ печать особой регламентъ.

ЕКАТЕРІНА.




Печатанъ въ Санктпетербурхѣ при Сенатѣ,
Декабря 21 дня, 1725 году.

Указ Екатерины I об основании Академии Наук

Русский народ ответил на смелый замысел Петра — создание Академии Наук в России, дав с далекого Севера, из-под Архангельска, — Ломоносова, а с далекого Юга, из Астрахани, — Тредиаковского, «профессора элоквенции Академии Наук», неутомимого труженика и замечательного ученого в области словесных наук.

Научная деятельность Тредиаковского, не оцененная современниками, была обширна. Он был неутомимым переводчиком и одним из исследователей научной терминологии в разных областях знания; он впервые поставил реально и ясно проблемы отделения русского языка от старославянского. Ему принадлежит заслуга открытия принципа тонического стихосложения, легшего в основу русской версификации.

Нелегки были условия работы русских ученых в то время. Вопрос об их правовом положении в дворянском обществе был не решен (а первые русские академики были преимущественно детьми крестьян, мастеровых, солдат или мелкого духовенства). И все же к середине XVIII в. трудами лучших русских ученых и обрусевших ученых-иностранцев твердо закрепилась на берегу Невы, в новой северной столице могущественного государства, Академия Наук. Основание для научной работы было создано, и поставлены вехи для ее дальнейшего плодотворного развития.

В первые десятилетия своего существования Академия Наук сыграла выдающуюся роль в истории развития всей русской культуры, и нельзя изучать русскую культуру XVIII в. без учета всей многогранной деятельности Академии Наук.

Очень полезной была переводческая деятельность Академии Наук, начавшаяся с первых лет ее существования. Работа переводчиков привела их к исследованию и разработке русского литературного и научного языка, особенно русской научной терминологии. Переводчики иногда объединялись в отдельные учреждения в Академии Наук, как, например, «Российское Собрание» (1735), «Переводческий Департамент» (1738). В XVIII в. Академия Наук долгое время была почти единственным центром, где переводили, издавали и распространяли западноевропейскую научную и художественную литературу. Первая в России книжная лавка была основана при Академии Наук. В Академии же в середине XVIII в. издавался первый в России научно-литературный журнал «Ежемесячные сочинения», основан-

ный академиком Г. Ф. Миллером. Этот ученый все свои силы в продолжение 58 лет отдал своей второй родине — России, предоставившей ему возможность развернуть свои способности путешественника, исследователя-историографа и просвещенного деятеля. 60—70-е годы XVIII в. были эпохой расцвета в Академии математических и естественных наук.

В 1766 г. в Россию вернулся Леонард Эйлер. Его первый приезд в Петербург с его родины — Швейцарии относится к самому началу деятельности Академии Наук в Петербурге. Ему было тогда 20 лет, его дарования развернулись в России, и труды, созданные им в Петербурге, доставили ему славу великого математика. Но в мрачные дни бироновщины он принужден был покинуть Россию; он находился в отсутствии 24 года, не порывая связи с Академией и продолжая печатать свои труды в ее «Комментариях». Во второй свой приезд великий Эйлер, будучи на высоте своей славы, несмотря на плохое зрение, а потом и потерю его, написал и продиктовал огромное количество первоклассных трудов в области математики, геометрической оптики, физики и основал русскую физико-математическую школу, положив прочное начало тому блестящему развитию математического преподавания и образования в России, которое сказалось уже при его жизни в 60—80-х годах XVIII в. и вызвало — уже после его смерти — непрерывный рост творчества в разных областях математических наук в России. Он отдал России свыше 30 лет научной деятельности; в 1783 г. он умер, или, как выразился о нем один из его современников — Кондорсе: «Гений прекратил вычислять и жить».

В конце 60-х годов XVIII в. прибыли в Россию молодой ученый-естествоиспытатель П. С. Паллас, С. Г. Гмелин младший и др.; вместе с русскими учеными С. Я. Румовским, И. И. Лепехиным, В. Ф. Зуевым, В. М. Севергиным и др. они составили то ядро, вокруг которого развернулись замечательные, грандиозные по своим задачам и масштабам, экспедиции второй половины XVIII в. по изучению Европейской и Азиатской России, давшие повод иностранцам сказать, что ни одна страна в то время не была настолько изучена, как Россия. Научные результаты этих экспедиций до сих пор лежат в основе современных знаний о России по многим вопросам.

П. С. Паллас всю свою жизнь, как и Г. Ф. Миллер, отдал России и по праву считается одним из крупнейших русских

ученых-исследователей, главным образом в области изучения русской флоры и фауны. Для истории русской культуры особенно важно то, что Паллас свои обобщения делал на основании изучения русской природы и быта народов нашей страны.

Во внутренней жизни Академии произошли в то время значительные перемены. Вместо постоянно отсутствовавшего президента графа К. Г. Разумовского был назначен директор, по существу являвшийся тем же президентом. При первом директоре В. Г. Орлове (с 1766 г.) бюрократическая канцелярия, управлявшая Академией, была заменена Комиссией, куда входили и академики. Русские члены Академии — С. Я. Румовский, И. И. Лепехин и рано скончавшийся физик А. К. Кононов, продолжая дело Ломоносова, стремились ввести в жизнь новый Устав, построенный на принципах («традициях») Ломоносова, вместо устаревшего Регламента 1747 г., в чем на первых порах энергично помогал им и сам директор. Но все хлопоты по введению нового Устава оказались безрезультатными; Екатерина II не утвердила ни одного из представленных ей проектов.

Работал над изданием своего проекта Устава и Леонард Эйлер. Он предполагал по прибытии в Россию стать во главе Академии Наук, если не президентом, то вице-президентом. Официально он не получил такого назначения, но фактически стоял во главе управления Академией и участвовал в решении ее главнейших дел — или лично, или через своего сына Иоганна-Альбрехта Эйлера. Последний был назначен в 1766 г. академиком по физике и с 1769 г. — непременным секретарем.

В 1783 г. была назначена директором Академии Наук княгиня Е. Р. Дашкова, и в том же году она возглавила новообразованную, отдельную от Академии Наук, Российскую Академию, созданную со специальной целью составления Словаря русского языка. В Академии Наук Дашкова обратила внимание на научно-просветительную и издательскую деятельность, проявив незаурядные административно-хозяйственные способности. При ней было построено новое, Главное здание Академии Наук в Петербурге, по проекту зодчего Кваренги, и Академический дом на 7-й линии Васильевского острова. Было значительно улучшено положение академической гимназии. Но возглавлять руководство научной работой Академии Наук было Дашковой не по силам; она рассчитывала в этом на помощь со стороны Л. Эйлера, но в год вступления ее в Академию он умер.

Период 80-х и, особенно, начала 90-х годов XVIII в., в связи с громовыми раскатами французской буржуазной революции, оказался тревожным и для Академии. Французский математик Кондорсе, избранный почетным членом в юбилейные торжества Академии Наук в 1776 г., был исключен из списков почетных членов за свое участие в революции. Известный русский просветитель XVIII в. Н. И. Новиков, имевший связи и с академическими кругами, был заключен в крепость. Дашковой, допустившей к печатанию трагедию Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», пришлось уйти в долгосрочный отпуск, а при воцарении Павла I и совсем удалиться от всяких дел.

Управление Академией Наук перешло в руки П. П. Бакунина, замещавшего Дашкову в последние два года ее директорства. Грубый и нетактичный человек, он не обладал и образованием. Своим неуместным вмешательством в научную работу, бесконтрольным хозяйничаньем он в короткий период своей деятельности совершенно дезорганизовал Академию. Наконец в 1798 г. он был отставлен. В том же году кончилось и номинальное президентство графа К. Г. Разумовского (умер в 1803 г.). Академия снова переживала кризис. Число членов сократилось. Научная работа снизилась. Значение Академии как мирового центра науки значительно упало. Правительственные указы о запрещении ввозить литературу из-за границы прервали научные международные связи Академии Наук. Павел I назначил президентом барона А. Л. Николаи, личного секретаря императрицы Марии Федоровны, и дал указ о составлении проекта нового Устава. Но Павел понимал назначение Академии односторонне. За недостатком образованных чиновников Павел, в частности, посылал академиков для различных целей в другие города, ослабляя этим и без того уменьшавшуюся по числу членов Конференцию. Академия переживала трудное время.





После смерти Павла I русские академики во главе с Н. Я. Озерецковским подали вступившему на престол Александру I записку с ходатайством о немедленной реформе Академии, указывая на причины упадка Академии и меры к улучшению ее положения. В числе мероприятий Озерецковский указывал на необходимость подготовки кадров из русских ученых для занятия академических кафедр. В этом вопросе непременный секретарь Николай Фус стоял на другой точке зрения: по его мнению, лучшим выходом из затруднения было выписать ученых из-за границы. Но в одном пункте согласны были все члены Академии: Академии был необходим новый Устав, определяющий ее цели, задачи и положение в стране. В 1803 г. Академия получила, наконец, новый Устав и новое устройство.

Учебная часть и «художества» (ремесла) окончательно отошли от Академии. Упразднялась просуществовавшая более 75 лет академическая гимназия; об академическом университете в Уставе совсем не упоминалось, так как он уже давно фактически не существовал. Отошли от Академии и переводческая деятельность, и издание переводных и оригинальных литературных произведений. Академия Наук определялась как первое ученое общество империи; ее первой задачей объявлялось совершенствование наук, приспособление теории и полезных следствий опыта и наблюдения к практическому употреблению и непосредственному обращению трудов своих в пользу России; Академии было вменено

в обязанность, кроме обычного основного ученого органа, «ежегодно издавать на российском языке один том записок, достойных примечания по своей практической пользе, под именем «Технологического журнала».

По Уставу 1803 г. восстанавливались и получали свое надлежащее место в работе Академии и гуманитарные науки (история, экономические и политические науки, востоковедение), не входившие в круг занятий Академии по Уставу 1747 г. Число ординарных академиков было увеличено до 18, число адъюнктов — до 20. Впервые за все время существования Академии Наук ей было предоставлено право самой выбирать ученых в число своих членов посредством баллотирования в Конференции. Академики были допущены к непосредственному участию в управлении Академией. Значительно были увеличены средства Академии и указана необходимость всеми мерами содействовать экспедициям.

Академия становилась на новые пути. В этот период положение Академии было уже не то, что в XVIII в. В стране создавалась сеть университетов, и некоторые из них уже начинали соперничать в научных достижениях с Академией Наук; начинался университетский период в развитии науки, и Академии необходимо было обосновать и защищать свое положение как первенствующего в стране высшего научного установления.

Общие внешние условия не способствовали реформе Академии. Тяжелые наполеоновские войны отнимали у страны все ее ресурсы. Значительно ухудшилось финансовое положение Академии вследствие обесценения денег. Не было возможности поддержать ее учреждения не только в полной, но хотя бы в частичной мере. Физический кабинет был в упадке еще с конца XVIII в.; химической лаборатории не было совсем (с1793 по 1830 г.); анатомический театр захирел и в дальнейшем так и не был восстановлен. Ботанический сад был продан (в 1815 г.). От недостатка помещения Академический музей превратился в склад. Здания без надлежащего ремонта разрушались. Оплата труда академиков была недостаточна, и многие ученые предпочитали университетскую кафедру академическому креслу, если не могли совместить того и другого. С 1810 по 1818 г. в Академии не было даже президента: ею фактически руководил непременный секретарь Николай Фус.

В этот период в Академии было наименьшее число членов. Во время Отечественной войны 1812 г. Академия Наук не развернула своей деятельности в сколько-нибудь значительной

Я нижеименованный сим объявляю, что в первой трети сего 1749 года сверх обыкновенных присутствий в Академическом и историческом Собраниях буду в Химической Лаборатории делать опыты Химические для исследования Минералов и других вещей, и показывать студентам теоретические основании Химии, которые из моих определений [illegible]. Притом буду для помянутых собраний сочинять диссертации 1) о [illegible] 2) теорию [illegible]. 1749 года Генваря 15 дня

Профессор Михайло Ломоносов

План занятий М. В. Ломоносова на первую треть 1749 года

мере. Однако нельзя утверждать, что Академия Наук стояла совсем в стороне от событий. Насколько было возможно в тех условиях, русские академики старались применить «теории и полезные следствия опытов и наблюдений к практическому употреблению». Достаточно вспомнить темы научных задач, которые, начиная со второй половины XVIII в., объявлялись к годовым торжественным собраниям для решения на премии. Среди чисто теоретических задач по астрономии, физике, ботанике и прочим наукам, известия о которых широко распространялись в научных учреждениях Западной Европы, откуда зачастую получались решения, были также задачи, связанные с насущными практическими интересами; например, найти недорогие вещества и способы пропитывать дерево для постройки кораблей, с целью предохранения от гниения; усовершенствовать правила сооружения шлюзов наиболее выгодным способом с точки зрения скорости, прочности, дешевизны и т. п.

На грани XVIII и XIX вв. ряд русских академиков (И. И. Лепехин, В. М. Севергин, Н. Я. Озерецковский, Я. Д. Захаров, П. А. Загорский, В. В. Петров и Т. Е. Ловиц) вел большую педагогическую, просветительную и популяризаторскую деятельность. Энциклопедизм был их характерной чертой. Научное творчество соединялось в них со стремлением приложить свои знания к жизни, направить их на подъем общей культуры страны. Множество научно-популярных статей помещали они в приложении к «С.-Петербургским ведомостям». Издававшийся Академией «Технологический журнал» представлял собою энциклопедию технических, технологических и всякого рода прикладных знаний. По этому журналу училось не одно поколение.

В то же время была сильна тенденция, главными выразителями которой были академики из иностранцев, — освободить Академию Наук от подготовки кадров и популяризации знаний и свести ее функции к задаче совершенствования знаний. В этой тенденции заключалась большая опасность для дальнейшего правильного развития Академии. Отодвигая от себя задачи практической жизни, Академия теряла живое и разнообразное общение с жизнью страны; уменьшалось ее соприкосновение с обществом; она отходила в сторону, как бы уединялась в своей научной деятельности.

Эти противоположные тенденции послужили основанием для длительной борьбы реакционной и передовой групп в Академии Наук.

В январе 1818 г. был назначен президентом Академии Наук С. С. Уваров. На первых порах он имел положительное влияние на развитие и укрепление Академии. Он сумел воспользоваться празднованием в 1825 г. столетнего юбилея Академии Наук, чтобы укрепить ее материальное положение, отремонтировать старые и построить новые здания. Позже, когда Уваров в 30-х годах, в правительство Николая I, стал министром народного просвещения и идеологом реакционного направления «официальной народности», он, оставаясь до конца жизни президентом, наложил своеобразный отпечаток на направление деятельности Академии, усугубив ее корпоративную замкнутость. Еще в 1826 г., на столетнем юбилее, Уваров назвал Академию «святилищем науки»; по его понятиям могла существовать самодовлеющая наука, независимая от потребностей страны в то время. В этих понятиях Уварова усердно поддерживал непременный секретарь Академии Павел Фус (сын Николая Фуса), его первый помощник и проводник его идей в Академии.

После наполеоновских войн прерванные научные международные связи налаживались с трудом. Академия старалась их возобновить и расширить путем избрания в почетные члены Академии выдающихся иностранных ученых. На столетнем юбилее Академии Наук в числе 20 новых иностранных почетных членов были избраны: Сильвестр де Саси, Авг. В. Шлегель, Гаусс, Фурье, Гэ-Люссак, Араго, Шамполион младший, Гемфри Деви, Гершель, Вольфганг Гете, Нибур, Ампер. Оживилась корреспонденция по научным вопросам, усилился обмен изданиями. Гете заинтересовался решением научной задачи «О свете», объявленной Академией на премию, и написал по этому поводу свои замечания; ориенталист С. де Саси следил с глубоким интересом за развитием востоковедческих дисциплин; знаменитый шотландский ученый, геолог Родерик Мурчисон, путешествовавший по России и затем издавший свой классический труд по геологическому строению России, с 1845 г. состоял в списках действительных членов Академии Наук, оставаясь жить в Англии.

Вместе с материальным укреплением Академии шло пополнение ее личного состава. В состав Академии вошли замечательные русские математики — В. Я. Буняковский, М. В. Остроградский, П. Л. Чебышев, историки Н. Г. Устрялов и М. П. Погодин, словесники — А. Х. Востоков, С. П. Шевырев, И. И. Срезневский и др. В эти же годы Академия выбрала в действительные члены

ряд ученых из Дерптского университета, в том числе великого биолога, антрополога и географа К. М. Бэра, астронома, основателя Пулковской обсерватории В. Я. Струве, физика Э. Х. Ленца, прославившегося своими исследованиями по электромагнетизму. Николай I, оберегая Академию Наук от демократической общественности, поощрял развитие в Академии физико-математических наук и естествознания. В естественных науках ни Николай I, ни его правительство пока не смогли еще рассмотреть их революционизирующего влияния.

В первой четверти XIX в. кафедра математики переживала кризис; рано умерли академики С. Е. Гурьев, Э. Д. Коллинс, адъюнкт В. И. Висковатов, и был период, когда 12 лет единственным академиком по математике был Николай Фус. Но во второй четверти XIX в. русские математики выдвигаются на первые места в мировой науке, математика начинает прочно завоевываться русскими учеными. Впрочем, в 20—30-х годах, как известно, работы гениального Н. И. Лобачевского не нашли еще должного отзвука; в Академии к его открытиям отнеслись отрицательно. Так отнеслись сначала к идеям Лобачевского не только в Академии. Его не поняли ни в России, ни за границей, за исключением великого Гаусса. Слишком необычайна и революционна была для своего времени неэвклидова геометрия Лобачевского. Среди академиков-математиков этого времени наиболее выдающимся был академик М. В. Остроградский, автор замечательных работ по вариационному исчислению, теории вероятностей, небесной механике, математической физике и баллистике.

В эти годы академик В. К. Вишневский предпринял колоссальную работу по астрономическим вычислениям, послужившим основой установления точных координат главных географических пунктов России, а вступивший в Академию в 1832 г. В. Я. Струве обеспечил русской астрономии одно из первых мест в Европе. В 1839 г. была основана Пулковская астрономическая обсерватория, постепенно завоевавшая на продолжительный период первое место среди обсерваторий мира.

Со второй четверти XIX в. в Академии работал К. М. Бэр — создатель эмбриологии, великий антрополог и географ, организатор новых научных учреждений, один из основателей Географического общества, путешественник, исследовавший на далеком Севере Новую Землю, а на Юге — Астраханский край с Каспийским морем. Работы этого замечательного ученого не только

обогатили науку, но и оказали большую помощь стране в области рыболовства, рыбной промышленности и др. Благодаря стараниям Бэра астраханская сельдь на долгие годы стала дешевой пищей многих миллионов потребителей.

На основе коллекций, в большом количестве скопившихся в течение первых ста лет в Академическом музеуме, в первой трети XIX в. начали возникать отдельные самостоятельные академические музеи. Первым из них выделился в 1818 г. Азиатский музей. В нем были собраны восточные монеты и древности, рукописи и книги на многих восточных языках. Начало их собранию положено было еще Петром I, купившим тангутские рукописи. Организацией Музея, его упорядочением и изучением коллекций, в первую очередь восточными монетами, занялся с большим успехом и любовью академик Х. Д. Френ, положивший начало русской школе востоковедения.

На базе того же Академического музеума в 30-х годах XIX в. были организованы музеи: Зоологический, Ботанический, Минералогический, Этнографический и др.

Заботами академиков В. В. Петрова и Е. И. Паррота был приведен в порядок и расширен физический кабинет; на основе инструментов, собранных в кабинете, там протекали замечательные исследования по электромагнетизму академика Э. Х. Ленца, одного из основателей учения об электромагнетизме, и академика Б. С. Якоби — по гальванопластике и другим вопросам физики. Особо следует отметить заслугу академика В. В. Петрова, впервые открывшего явление вольтовой дуги.

В 1836 г. был введен новый Устав Академии, так как многие параграфы и даже целые главы прежнего Устава не имели уже силы. По Уставу 1836 г. педагогические задачи окончательно отходили к университетам. За Академией были оставлены исключительно научные функции; параграф первый Устава торжественно определял Академию как «первенствующее ученое сословие Российской Империи».

В силу благоприятного стечения обстоятельств Академия Наук в этот период включила, наконец, в круг изучаемых ею наук и русскую филологию. В 1841 г. умер президент Российской Академии А. С. Шишков, и эта Академия в том же году была присоединена к Академии Наук. Уваров составил было проект об учреждении трех отдельных Академий по образцу Французского института, но проект этот не получил одобрения. По указу

Николая I упраздненная Российская Академия вошла в состав Академии Наук в качестве ее второго отделения по изучению русского языка и словесности. Первое отделение составили физико-математические науки, третье — историко-филологические. В таком виде структура Академии просуществовала до 1927 г., т. е. около 90 лет.

Из числа членов Российской Академии во второе отделение Академии Наук вошло 16 ординарных академиков и 4 адъюнкта. Среди ординарных академиков были выдающиеся русские писатели: В. А. Жуковский, И. А. Крылов, П. А. Вяземский и др. Имена их были скорее украшением отделения, сами же они по разным причинам не принимали активного участия в его работе. Другая часть, и притом бо́льшая, за немногими исключениями представляла собою группу, весьма реакционную по убеждениям — (митрополит Филарет, епископ Иннокентий, И. И. Давыдов и др.).

Нельзя не упомянуть здесь о некоторых учреждениях, которые возникли вне Академии Наук, но в которых деятельно участвовали члены Академии. Это были: Археографическая комиссия, учрежденная для разбора и описания русских актов, собранных П. М. Строевым в его знаменитой археографической экспедиции (1828—1834 гг.), и Географическое общество, одним из основателей которого (в 1845 г.), как мы уже указывали, был К. М. Бэр.

Севастопольская оборона (1854—1855 гг.) показала, на какие героические подвиги способен русский народ, послужила толчком к преобразованиям, расчистившим путь для капиталистического развития страны, вскрыла гнилость николаевского бюрократическо-казарменного режима. После этих событий жизнь громадной страны потребовала решительных преобразований. Был поднят также вопрос и о реформе Академии Наук.

К 1857—1865 гг. относится разработка проекта нового академического Устава. На этот раз обсуждение проекта вышло далеко за пределы Академии; проект впервые обсуждался и среди университетской профессуры, попал на страницы прессы и вызвал отклики в широких общественных кругах. Академия Наук подверглась резкой и жестокой критике; в качестве главных обвинений против нее выдвигались замкнутость и тенденции к служению «чистой науке».

В 1864 г. президентом Академии был назначен известный путешественник, граф Ф. П. Литке. Но более влиятельным лицом, чем президент, в Академии Наук был в эти годы ее непременный

секретарь К. С. Веселовский. Он занял этот пост в 1857 г. и крепко удерживал его более 30 лет (по 1890 г.).

Специальностью К. С. Веселовского были политическая экономия и статистика. В молодости в своих первых трудах он был не чужд либерализма, но потом, когда увидел, что эти увлечения могут плохо кончиться для его карьеры, быстро отошел от них. Он стал заниматься более безобидными отделами в своей науке — метеорологической статистикой и климатологией и впоследствии, в продолжение всей своей дальнейшей деятельности, научной и организационной, старался заставить забыть настроения своей молодости. Академия при нем резко отмежевалась от более демократически настроенной университетской профессуры. Внутри Академии Веселовский всегда поддерживал лозунг «чистой науки». В проекте Устава 1865 г., в одном из последних его вариантов, он выдвигал положение о том, что прямая обязанность Академии — совершенствовать и обогащать науку; о приложении же научных достижений к жизни должна заботиться не Академия, а общество. Таким образом, Академия Наук открыто отгораживалась от жизни и ее запросов, создавая этим, по словам академика В. И. Ламанского, как бы идеал «отвлеченной Академии». Нет ничего неожиданного в том, что русскому обществу, не всегда в достаточной мере знакомому с творческой работой отдельных академиков, вся Академия в целом казалась далекой, чуждой и даже ненужной. Наиболее прогрессивные университетские деятели прямо высказывались в том смысле, что Академия отжила свой век и дальнейшее развитие науки перешло к университетам.

Проект реформы Академии Наук так и не удалось тогда осуществить.

Вторая половина XIX в. в академической жизни отмечена рядом печальных моментов. Великий русский ученый Д. И. Менделеев, тогда профессор Петербургского университета, избранный членом-корреспондентом Академии Наук в дни ее 150-летнего юбилея в 1876 г., при производстве выборов его в действительные члены в 1880 г. был забаллотирован — «не признан избранным». Реакционная группа академиков во главе с непременным секретарем К. С. Веселовским и престарелым президентом Академии Наук адмиралом Литке не хотела впустить Д. И. Менделеева в Академию. Их пугали его неукротимая энергия и передовые общественные взгляды. Не были избраны в число академиков и другие передовые русские ученые — К. А. Тимирязев и А. Г. Сто-

летов. Это дало повод к тяжелым и справедливым обвинениям Академии.

Провал Менделеева на выборах вызвал негодование в передовых слоях русского общества. Никогда Академия не была так не популярна, как в те годы. Престарелый Литке, которого обвиняли в пристрастии к немцам, был заменен другим президентом, русским, но в еще большей степени реакционером.

В апреле 1882 г. Академию возглавил граф Д. А. Толстой, соединявший с обязанностями президента Академии Наук обязанности министра внутренних дел и шефа жандармов.

Руководство Толстого вызывало недовольство в Академии Наук и нередко ставило ее перед фактом общественной критики. Однако и в эту эпоху внутри Академии не замирала научная жизнь. Все больше становился контингент ученых, получавших подготовку в русских университетах, с большим профессорским стажем, имевших дело с живой аудиторией, с запросами жизни.

Кафедры математических наук возглавлялись в это время замечательными русскими учеными — В. Я. Буняковским, П. Л. Чебышевым, О. И. Сомовым, Е. И. Золотаревым и др. Кроме научной теоретической работы, они вели и большую педагогическую работу; ими было составлено немало прекрасных учебных курсов. Характерной чертой этих ученых являлось их стремление приложить к практике достигнутые ими теоретические результаты. В. Я. Буняковский много содействовал разрешению практических вопросов русской статистики. П. Л. Чебышев, достигнув всемирно известных результатов в анализе теории чисел, теории вероятностей, теории приближения функций, теории синтеза механизмов и в других основных математических областях, всегда искал возможности применить их к практическим проблемам, простиравшимся от вопросов сложных механизмов до проблемы «кройки платья». «Практические вопросы, — писал академик В. А. Стеклов о Чебышеве, — превращаются им в соответственные математические теории, представляющие новые открытия в области чистой науки, эта же последняя не оставалась в области чистой мысли, а воплощалась в реальную действительность, в разного рода машины и механизмы».

Среди других ученых-математиков этого времени отметим С. В. Ковалевскую, избранную, по предложению П. Л. Чебышева, в конце XIX в. членом-корреспондентом Академии Наук. С. В. Ковалевская была первой женщиной, получившей это ученое звание.

Этот же период ознаменовался бурным развитием химии. В 1859 г. академическая химическая лаборатория значительно пострадала от пожара. Лаборатории было предоставлено другое помещение — специально и соответствующим образом оборудованное — в Академическом доме по 8-й линии Васильевского острова. В этой новой, четвертой после Ломоносова, химической лаборатории работали русские химики — академики Н. Н. Зинин и А. М. Бутлеров.

Открытие Зининым анилиновых красок, сделанное им еще в бытность профессором Казанского университета, создало ему большую славу, но долгое время заслуга Зинина не была должным образом оценена на родине, и иностранные фирмы наживались на его открытии. Зинин был не только крупнейшим ученым, но и талантливым педагогом, создавшим в Казанском университете школу русских химиков. Он же был одним из основателей Русского химического общества.

Одним из учеников Зинина являлся А. М. Бутлеров, избранный в Академию в 1870 г. Им разработана теория химического строения органических соединений. Достижения его в области органической химии были оценены по достоинству еще при его жизни и продолжены его учениками, приобревшими впоследствии, как и он сам, мировую известность. Блестящий лектор, пользовавшийся большой симпатией молодежи, смелый, волевой, либерально настроенный, он встретил в Академии недоброжелательное, подчас резко враждебное, отношение со стороны консервативной, так называемой «немецкой группы». Это объяснялось тем, что Бутлеров был академиком нового типа и вносил в спокойную академическую среду бурю и натиск ученого, не чуждого жизни и общественности, как некогда его предшественник в XVIII в., великий Ломоносов. Особенно сильно переживал Бутлеров провал выборов Менделеева, кандидатуру которого он сам предложил.

В физических науках наибольшее внимание в это время было уделено метеорологии. В 1866 г. в ведение Академии Наук была передана из Горного ведомства Главная физическая обсерватория. Неустанной энергии, знаниям и таланту академика-физика Г. И. Вильда, швейцарца по происхождению, обязана организация метеорологической службы в России. При Главной физической обсерватории были созданы морское и метеорологическое отделения и установлены регулярные телеграфные сообщения о погоде и

предупреждения о штормах. Была значительно расширена сеть метеорологических станций, созданы магнитная и метеорологическая обсерватории в Павловске.

Академия в значительной степени содействовала укреплению метрической системы, участвуя в работах Международной комиссии по созданию точнейших эталонов мер и весов.

В физическом кабинете Академии Наук, после смерти академиков Э. Х. Ленца и Б. С. Якоби, славно потрудившихся там, работал в качестве лаборанта будущий почетный член Академии О. Д. Хвольсон, выполнивший во время работы в Академии все свои экспериментальные работы по актинометрии, рассеянию света и пр. Академик по физике, генерал А. В. Гадолин, приобрел себе славу в области кристаллографии. Известен он также как специалист по артиллерийскому делу.

Хотя Пулковская обсерватория и была изъята из ведения Академии Наук в 1862 г., но научные связи ее с Академией никогда не прекращались. Согласно уставу Обсерватории, директор ее и главные астрономы-академики выбирались Академией Наук.

Пулковская обсерватория принимала деятельное участие в таких международных астрономических предприятиях, как градусное измерение дуги параллели под 52° широты и др.; вела геодезические и географические работы, обслуживая военное и морское ведомства. В самой Академии Наук в это время каких-либо больших астрономических работ не велось. После смерти академика В. К. Вишневского (1855) была свернута работа малой Академической обсерватории, помещавшейся в башне старинного здания бывшей Кунсткамеры. Несколько позже академик А. Н. Савич вел там некоторое время практические занятия со студентами Петербургского университета.

Крупными представителями геологических наук были горный инженер, академик по кафедре геогнозии, Г. П. Гельмерсен и академик по кристаллографической орнитогнозии Н. И. Кокшаров. Работы Гельмерсена, тесно связанные с развитием русской промышленности, с железнодорожным строительством, с изысканием залежей каменного угля, особенно в Подмосковном бассейне, имели большое научное и практическое значение. Деятельность Гельмерсена протекала главным образом в Горном институте и в созданном под его влиянием Геологическом комитете, первым председателем которого он был с 1882 г. Многочисленные экспедиции Комитета субсидировались министерством финансов. Минералоги-

3*

ческий музей Академии Наук в это время не мог в достаточной мере развернуть своих работ. Идея Гельмерсена о создании специального Геологического института была осуществлена лишь в советское время.

Главным трудом Н. И. Кокшарова было многотомное издание «Материалов для минералогии России»; его работы по наблюдению и описанию кристаллических форм минералов явились исходной точкой для последующих русских и западноевропейских работ в области кристаллографии.

Биологические науки в Академии Наук в эти годы не были представлены в должной степени. Н. И. Железнов, один из первых в России последователей Дарвина, с 1853 г. занимавший кафедру по физиологии растений и применению ее к сельскому хозяйству, с начала 60-х годов перестал работать в Академии Наук; в 1862 г. выбыл из Академии, переехав на жительство в Дерпт, К. М. Бэр. Тесно оказалось работать в Академии и зоологу А. Ф. Миддендорфу, также выбывшему из Академии. Только в 1878 г. кафедра ботаники получила выдающегося ученого в лице А. С. Фаминцына.

Следует заметить, что представители биологических наук в Академии относились в это время к выдвинутой Дарвином теории осторожно и выжидательно. Не было среди них ни активных пропагандистов идей Дарвина, ни активных его противников. Отдавая должное учению Дарвина, академики-биологи избрали в начале 60-х годов в члены-корреспонденты двух иностранных ученых, последователей Дарвина (Аза-Грея и Т. Гексли), а в 1867 г. — и самого Чарлза Дарвина. Однако через два года был избран в члены-корреспонденты и открытый антидарвинист Людовик Агассис. А. О. Ковалевский был избран в члены-корреспонденты в 1883 г., а академиком — в 1890 г., И. И. Мечников — в члены-корреспонденты в 1883 г., а в почетные члены — в 1902 г., К. А. Тимирязев — в члены-корреспонденты в 1890 г.

Представители исторической науки разделились между двумя Отделениями — вторым (Отделением русского языка и словесности) и третьим (историко-филологическим).

До 1870 г. кафедру истории занимали академик Н. Г. Устрялов и, почти до конца века, А. А. Куник. Основным трудом Устрялова была история царствования Петра I, сохраняющая и до сих пор известное научное значение. А. А. Куник изучал самые разнообразные периоды русской истории, но многие из нача-

тых им работ остались незаконченными. Историей занимались также многие академики, состоявшие в Отделении русского языка и словесности: С. М. Соловьев, Н. В. Калачов, А. Ф. Бычков, П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов. Наиболее талантливый из историков-академиков, крупнейший русский историк XIX в. С. М. Соловьев жил в Москве и большого участия в работе самой Академии не принимал. Академики Бычков и Калачов много работали над изданием русских исторических памятников. Через них осуществлялась связь Академии Наук с Археографической комиссией и историческими архивами. Истории культуры в России посвятили свои труды академики П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов и П. С. Билярский. Труды их по истории Академии Наук, истории Российской Академии, истории науки и литературы при Петре I, по биографиям ученых XVIII в., и в особенности по биографии Ломоносова, до сих пор остаются по богатству собранных материалов незаменимыми при изучении русской культуры и науки XVIII в.

Русская и славянская филология была основным предметом изучения академиков Отделения русского языка и словесности. Число членов, перешедших в состав Академии Наук из Российской Академии, из года в год постепенно уменьшалось, и в Отделение входили новые, более энергичные ученые, к которым и перешла в Отделении ведущая роль. К числу их относятся: И. И. Срезневский, Я. К. Грот, Ф. И. Буслаев и упомянутые выше А. Ф. Бычков, П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов, а также А. Н. Веселовский и славист И. В. Ягич (по происхождению хорват), избранный членом Отделения в 1890 г. Огромное значение имеет деятельность Академии Наук по развитию русского языка. Академия опубликовала ряд работ по русской грамматике и ряд словарей, имевших руководящее значение. В середине XIX века академик Я. К. Грот произвел большую работу по систематизации нашего правописания.

Талантливость и работоспособность этих ученых плодотворно сочетались с любовью к своему народу, его языку и литературе, к его прошлому. Работы их были созвучны интересам эпохи. Исследование и научно-критическое издание памятников письменности русского и славянских языков, сравнительное изучение этих языков, народного творчества, быта, искусства — все стороны русской славянской культуры составляли содержание их работ.

В конце 70-х годов в Академию был избран один из крупней-

ших представителей русской литературоведческой науки Александр Веселовский. Человек исключительной одаренности и работоспособности, А. Н. Веселовский много сделал для превращения литературоведения в подлинную науку. По учению Веселовского, история литературы есть «история общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах». А. Н. Веселовскому принадлежит ряд первоклассных работ по всеобщей истории литературы, к которой он блестяще применил сравнительно-исторический метод, и по исторической поэтике, трактуемой им как наука социологическая. После его смерти (1906) Академия Наук начала издавать собрание его сочинений.

Востоковедные науки в Академии были сосредоточены в Историко-филологическом отделении. В середине XIX в. по востоковедению с успехом продолжал работать возглавлявший Азиатский музей академик Б. А. Дорн. В течение многих лет в Академии работали один из первых русских востоковедов-историков В. В. Вельяминов-Зернов и способный молодой востоковед В. Р. Розен.

Как метод работы востоковеды широко использовали экспедиции, во время которых изучали языки малых народностей, населявших Россию. Большим событием в истории лингвистики было окончание академиком О. Н. Бетлингком в конце века фундаментального словаря санскритского языка. Начатая им работа была закончена уже после его отъезда за границу и издана Академией Наук с затратой весьма больших средств на это предприятие (7 томов). Словарь этот, создавший эпоху в востоковедении, так и называется в кругу специалистов-востоковедов всего мира «Петербургским словарем».

Наиболее реакционной группой ученых в Академии Наук были в это время представители кафедры классической филологии Л. Э. Стефани и А. К. Наук. Последний особенно усердно поддерживал Д. А. Толстого в его начинаниях в области реакционной системы образования, а во внутренней жизни Академии он был сторонником К. С. Веселовского.

Академия Наук в это время подвергалась критике со стороны общественности также за недостаточное внимание к популяризации своих музеев. Доступ публики и учащихся в академические музеи был весьма ограничен. На критику непременный секретарь Академии Наук К. С. Веселовский отвечал, что для занимающихся научными работами двери академических музеев всегда открыты;



Фасад Библиотеки и Кунсткамеры Академии Наук до пожара 1747 г.

что же касается публики, т. е. «любопытных и зевак», то для них музеи открыты один день в неделю.

В 1879 г. из двух музеев — Антропологического и Этнографического — был создан единый музей. Небезинтересно отметить, что в начале 60-х годов Министерство народного просвещения, в лице министра А. В. Головнина, предоставляло Академии отдельное помещение, где возможно было бы сосредоточить музеи Академии и сделать их доступными для всех. Однако грандиозность требующегося здания и большие расходы, сопряженные с оборудованием и перевозкой экспонатов, заставили министерство отказаться от этого плана. Академические музеи остались в прежних помещениях, весьма недостаточных, в которых не всегда удавалось размещать многочисленные поступления новых экспонатов.

Большое внимание в это время Академия начала уделять конкурсам на премии за научные труды. В Академии были образованы, не считая Демидовской премии, учрежденной в 1831 г., Уваровская, Ломоносовская, Пушкинская, Бэровская и ряд других. Сотни научных трудов (а по некоторым премиям, например Демидовской и Уваровской, поступали и литературные труды) требовали от Академии огромного времени для рассмотрения и отзыва. В числе получивших научные премии были и Д. И. Менделеев, и И. М. Сеченов, и Н. И. Пирогов, и адмирал С. О. Макаров, тогда еще молодой ученый, и многие другие; представляли свои литературные труды также и писатели (А. Н. Островский, А. П. Чехов и др.). Некоторые из писателей, как Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой и др., состояли членами-корреспондентами Академии Наук по Отделению русского языка и словесности.

После крестьянской реформы 1861 г. Россия вступила в капиталистический период своей истории.

Новый этап в развитии страны вызвал общий подъем научной деятельности. Новые тенденции в развитии науки оказались в непримиримом противоречии с официальной дворянско-самодержавной и церковно-идеалистической идеологией.

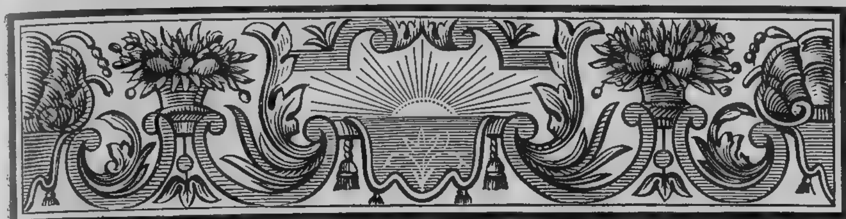
Царское правительство тормозило рост русской науки. Молодое поколение русских ученых боролось с этим при поддержке демократической общественности.

Во вторую половину XIX в. мы наблюдаем значительное развитие научных международных связей Академии Наук. Члены Академии широко воспользовались возможностью совершать

поездки за границу, во время которых знакомились в разных странах с учеными и их достижениями; работали в лучших зарубежных лабораториях, биологических станциях, участвовали в международных конгрессах. Авторитет русских ученых рос, они выбирались почетными членами многих академий и научных обществ, председательствовали на международных конгрессах. Из числа западных ученых членами-корреспондентами нашей Академии были избраны, кроме упомянутого уже Ч. Дарвина, — Д. Бентам, Р. Вирхов, Г. Гельмгольц, Ч. Лайель, Л. Пастер и др.

Такова была эта эпоха в жизни Академии Наук, полная борьбы и противоречий. Но процесс превращения Академии в подлинно народную, близкую и нужную стране был еще далек от завершения.





В 1889 г., после смерти Д. А. Толстого, на пост президента Академии Наук был назначен родственник царя, великий князь К. К. Романов (известный как поэт К. Р.). Непременный секретарь при трех последовательно сменивших друг друга президентах (Д. Н. Блудове, Ф. П. Литке, Д. А. Толстом) К. С. Веселовский вышел в отставку. В неизданных записках он горько сетует на своих коллег, которые даже внешне не выразили никакого сожаления об его уходе.

Сменились и вице-президенты. Оставил по состоянию здоровья свой пост В. Я. Буняковский. Его сменил Я. К. Грот. Непременным секретарем избран был академик А. А. Штраух, который, однако, недолго оставался на своем посту; его сменил историк Н. Ф. Дубровин. Наконец, в 1904 г. место непременного секретаря Академии Наук занял, будучи тогда еще экстраординарным академиком, С. Ф. Ольденбург, остававшийся на этом посту 25 лет.

При смене руководства Академии Наук снова, как это происходило неоднократно, возник вопрос о пересмотре Устава. Особо назначенная Комиссия должна была предложить необходимые изменения в Уставе 1836 г. Всем академикам был разослан также не увидевший света проект Устава 1865 г., чтобы собрать их мнения и предложения. Пожеланий внесено было много: об увеличении числа кафедр, подготовке молодых ученых, организации новых лабораторий и станций, но коренных изменений Устава пред-

ложено не было, не было и предложений о замене действующего Устава новым. В конце концов Комиссия вынесла постановление сохранить Устав 1836 г. В постановлении указывалось, что в этом Уставе достаточно четко определены права и обязанности «первенствующего ученого сословия Российской Империи», исключено постороннее вмешательство (правительства или общества) в жизнь Академии и в то же время структура Устава всегда дает возможность внесения в него соответствующих изменений, т. е. фактического отступления от того или иного устарелого параграфа Устава.

Вместо нового Устава в 1893 г. были утверждены новые штаты и увеличен бюджет Академии Наук до 53 563 рублей. Кроме того, Академия получила крупные единовременные ассигнования. Так, Зоологический музей в 1896—1897 гг. получил 387 877 рублей на переоборудование нового помещения и внутреннее устройство. На Шпицбергенскую экспедицию по градусному измерению было отпущено 210 000 рублей, на Русскую полярную экспедицию Э. В. Толя — 180 000 рублей.

Однако с ростом академических научных учреждений и с прекращением крупных единовременных ассигнований бюджет Академии в следующее десятилетие (900-е годы) оказался совершенно недостаточным, что привело к весьма печальным результатам. Библиотека из-за отсутствия достаточных ассигнований не могла выписывать из-за границы всех нужных ей изданий. Геолого-минералогический музей не мог надлежащим образом поставить обработку коллекций. Химическая лаборатория весьма отставала в оборудовании. На организацию экспедиций в 1909 г. было отпущено всего 10 612 рублей.

Штаты ученого персонала в учреждениях Академии были весьма малы. Геологический и минералогический музей до 1908 г. имел одного ученого хранителя, Ботанический — двух, Музей антропологии и этнографии — трех; лаборатории — физическая, зоологическая и физиологическая — по одному лаборанту, химическая — двух лаборантов. Многие должности крайне низко оплачивались, вследствие этого квалифицированные химики не шли в академическую лабораторию. Достаточно известен тот факт, что академик И. П. Павлов на свои собственные средства имел дополнительного лаборанта в физиологической лаборатории. В музеях и кабинетах Академии работали из одной любви к науке в качестве дополнительных работников, не получая вознаграждения, студенты и молодые научные работники; они занимались

разборкой коллекций, описанием зоологических или ботанических сборов и помогали в научных исследованиях.

Даже члены бюджетной комиссии Государственного совета указывали, что сумма в 2750 рублей, отпускаемая на академические издания (по первому и третьему Отделениям), прямо неприлична для учреждения, стоящего во главе всего русского научного дела. Не лучше обстояло дело и по Отделению русского языка и словесности. В одной из записок Отделения (1909 г.) указывалось: «Давая по 15 листов в год, Отделение может рассчитывать на окончание словаря не ранее как через семьдесят лет». Не могла не тормозить научную работу и теснота помещений, в особенности музеев, исключая Зоологического, имевшего к этому времени, как уже упоминалось, кроме выставочных, добавочные помещения для научных занятий.

Приведем цитату из отчета членов Государственной Думы, обследовавших состояние Академии Наук незадолго до первой мировой войны.

«Трудно передать то тяжелое состояние, которое мы вынесли из этого посещения отделов нашей императорской Академии Наук, этого храма науки, которым должно гордиться каждое культурное государство и особенно такое, как наша богатая своими произведениями родина, занимающая почти шестую часть земного шара. Направляясь в Академию, мы, конечно, были уже подготовлены к мысли о том, что мы найдем в тех отделах, которые нас в данное время интересовали, но тем не менее встреченное там нами превзошло все наши ожидания. Заключая в себе огромное разнообразие научных богатств, собранных со всех концов нашего обширного отечества, богатств, которым могут позавидовать лучшие музеи Западной Европы, Академия наша тем не менее вынуждена оставлять многие из них недоступными для народа, так как при тесноте своего помещения и при недостатке в ученых хранителях и лаборантах некоторые музеи остаются закрытыми для публики, богатства их стоят закупоренными в ящиках и неразобранными целые десятки лет. Если бы не собственное убеждение на месте, трудно было бы поверить, что в нашей столице, в городе Петра Великого, на берегу Невы, возможно такое отношение к науке и ее храму — Академии. Смотря грустно на обстановку, при которой приходится работать нашим академикам, и сопоставляя ее с хорошо мне знакомой обстановкой рабочей комнаты простого сельского учителя, я невольно подумал: разница здесь очень не-

значительна — академик и сельский учитель в обстановке своей работы недалеко ушли один от другого, и которому из них удобнее работать, сказать трудно».

Начавшийся в 1908 г. пересмотр штатов Академии Наук закончился лишь в 1912 г. Число штатных единиц было определено в 153. Бюджет Академии был доведен до 1 007 000 рублей, причем главная часть расходов падала на оплату личного состава. На ученые предприятия приходилась весьма скромная сумма в 47 000 рублей в год. А между тем все более увеличивались потребности в расширении научных предприятий, в более усовершенствованном оборудовании учреждений.

На протяжении 90-х и начала 900-х годов происходит значительное изменение лица Академии. В течение 1890—1917 гг. было избрано 68 новых действительных членов, из них 29 — по первому Отделению, 20 — по второму, 19 — по третьему. Среди них ряд крупнейших ученых страны, заслуживших признание в мировой науке, как например:

математики: А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов, А. Н. Крылов;
астрономы: Ф. А. Бредихин, А. А. Белопольский;
физики: кн. Б. Б. Голицын, М. А. Рыкачев;
химики: В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков;
геологи: Ф. Н. Чернышев, А. П. Павлов, Е. С. Федоров;
ботаники: С. И. Коржинский, М. С. Воронин, И. П. Бородин;
зоологи: Д. Н. Анучин, В. В. Заленский, Н. В. Насонов;
физиолог И. П. Павлов;
историки и филологи: В. Г. Васильевский, А. А. Шахматов, А. Н. Пыпин, Ф. Ф. Фортунатов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, В. О. Ключевский, А. И. Соболевский, Ф. И. Успенский, П. К. Коковцов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, М. М. Ковалевский, Н. К. Никольский.

Такова была научная среда, в которой протекала деятельность ботаника А. С. Фаминцына (с 1878 г.), литературоведа А. Н. Веселовского (с 1877 г.) и вступивших в 1886 г. химика Н. Н. Бекетова, математика А. А. Маркова и корифея русской геологической науки А. П. Карпинского. Простое перечисление имен свидетельствует, что в Академии Наук в начале XX в. сосредоточился почти весь цвет русской науки.

Сильно изменился в это время также состав ученого персонала в учреждениях Академии Наук; в них работали преимущественно молодые русские ученые, в большинстве своем ученики академи-

ков. Многие из них преподавали в Петербургском университете, участвовали в экспедициях, являлись членами ученых обществ, выступая там с докладами, зарекомендовали себя выдающимися исследованиями. Среди таких научных работников в учреждении первого Отделения Академии Наук были Н. М. Книпович, В. Л. Бианки, В. И. Воробьев, А. Е. Ферсман, В. Н. Сукачев, С. С. Ганешин, Л. С. Берг, А. А. Бялыницкий-Бирюля и др.; в учреждениях по гуманитарным наукам: Л. Я. Штернберг, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз-Тан, Э. К. Пекарский, В. И. Срезневский и др.

В некоторых учреждениях постепенно создавалось более или менее сплоченное ядро научных работников, развертывалась коллективная работа. Это имело место в особенности в тех учреждениях, где тому способствовали и руководители, как, например, В. И. Вернадский в Геологическом и минералогическом музее.

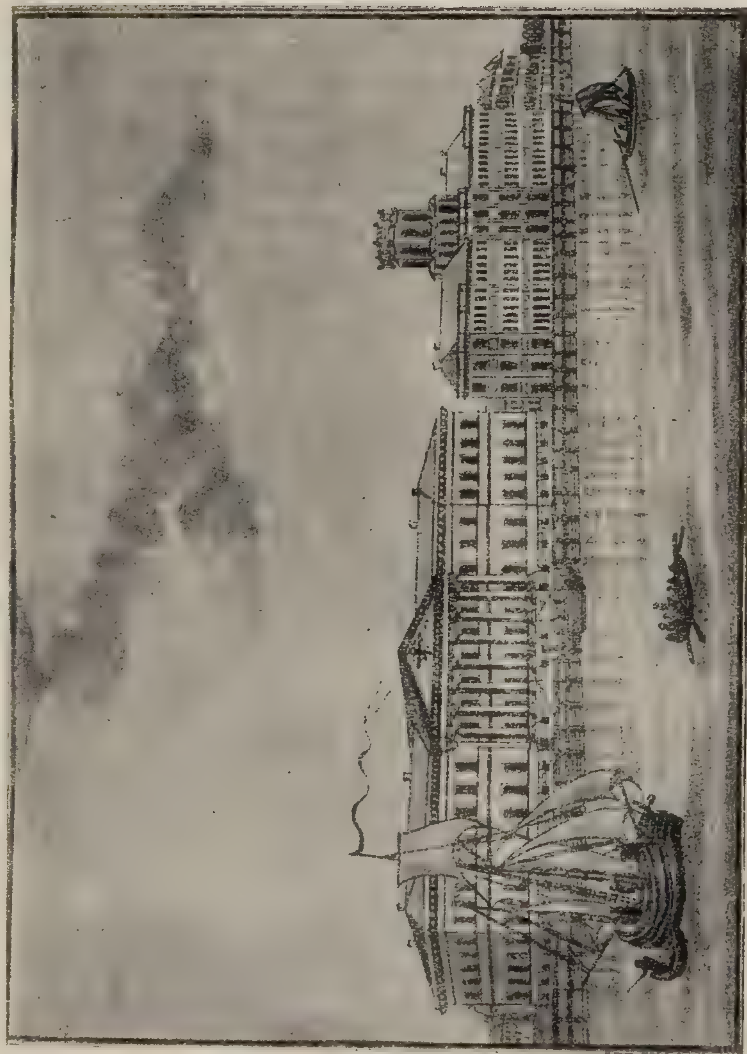
В области математических наук в Академии за это время на первом месте стоят работы А. М. Ляпунова. Слова, сказанные им о его учителе П. Л. Чебышеве, не в меньшей мере относятся и к нему самому, характеризуя и его работу: «Чебышев и его последователи остаются постоянно на реальной почве, руководясь взглядом, что только те изыскания имеют цену, которые вызываются приложениями, и только те теории действительно полезны, которые вытекают из рассмотрения частных случаев». Академик А. М. Ляпунов особенно знаменит своими исследованиями об условиях устойчивости движения. Академики-математики, и между ними особенно А. А. Марков, на ряду с замечательными исследованиями в области анализа, теории чисел, теории вероятностей, много сделали для пропаганды и распространения в России трудов классиков математической мысли. Так, Марков совместно с академиком Н. Я. Сониным издавал труды П. Л. Чебышева. Вступивший в Академию в 1916 г. А. Н. Крылов перевел и издал трактат Ньютона «Математические начала натуральной философии», академик В. А. Стеклов подготовил и редактировал собрание трудов Е. И. Золотарева; А. М. Ляпунов и А. А. Марков участвовали в редактировании международного издания сочинений Леонарда Эйлера.

Пулковская обсерватория в конце XIX в., в период директорства О. В. Струве, значительно снизила свою работу. После ухода О. В. Струве директором Пулковской обсерватории был назначен академик Ф. А. Бредихин, по справедливости считающийся осно-

вателем русской астрономической школы. Бредихин является создателем механической теории кометных форм и математической теории происхождения метеоритных потоков. Он недолго оставался во главе Обсерватории, но при нем произошли большие изменения к лучшему. Прежде всего изменился личный состав научных работников; пришли молодые астрономы, в большинстве ученики Ф. А. Бредихина — А. Н. Соколов (вице-директор), А. А. Белопольский (старший астроном по астрофизике), штатные и сверхштатные астрономы С. К. Костинский, А. А. Иванов и др.

В задачу нового руководства входило создание из Пулковской обсерватории учреждения, «каковы все первоклассные заграничные обсерватории, и дать питомцам русских университетов, теоретически подготовленным, свободу и доступ к полному практическому усовершенствованию в Обсерватории». Значительно был увеличен инструментарий Обсерватории, особенно для работ по астрофизике. Во время директорства О. А. Баклунда (в 1900 г.) было учреждено при содействии Бредихина отделение Обсерватории в Николаеве. А. А. Белопольский поставил в Обсерватории систематическую работу по астрофизике. Старший астроном С. К. Костинский разработал фотографирование небесных тел как метод их наблюдения; современная оценка признает его пионером астрофотографии в России и одним из основоположников этой отрасли астрономической науки вообще. Большое участие приняли пулковские астрономы в русско-шведской экспедиции по градусному измерению на Шпицбергене. Число публикуемых трудов значительно увеличилось.

Много труда отдали Главной физической обсерватории академик Г. И. Вильд, а после него М. А. Рыкачев в качестве директоров. Однако работу Обсерватории им не удалось поставить на надлежащую высоту — нехватало материальных возможностей и специалистов. Различные ведомства предъявляли к Обсерватории множество требований, ставили на разрешение важные для них вопросы, но средств обычно никто не давал. В 900-х годах перед Обсерваторией была поставлена задача объединения всей метеорологической сети России, что вызывалось потребностями государственного и народного хозяйства. Обсерватории было предоставлено право публиковать результаты наблюдений метеорологических станций всех ведомств; но в виду трудности выполнения этих задач все это осталось на бумаге. Обсерваторией были предприняты попытки магнитной съемки России.



Здания Академии Наук в конце XVIII века

Обсерватория выпускала (с 1892) еженедельный и ежемесячный бюллетени; к 50-летнему юбилею существования Обсерватории был создан коллективный труд «Климатологический атлас Российской империи» и другие сводные монографии по исследованию температуры, влажности, по осадкам, исследованию бурь, циклонов и пр. В числе новых наблюдений Обсерваторией были предприняты наблюдения в верхних слоях атмосферы; проект же устройства аэродинамической обсерватории осуществить не удалось.

Аэродинамические исследования велись вне Академии, однако Академия по мере возможности оказывала поддержку в работах лиц, занимавшихся аэродинамикой: К. Э. Циолковскому была предоставлена некоторая материальная помощь, Н. Е. Жуковский был избран членом-корреспондентом; С. А. Чаплыгин позднее (уже в советское время) вошел в состав Академии Наук как ее действительный член.

Физический кабинет Академии Наук еще со времен Г. И. Вильда был в упадке. Вступивший в Академию Наук Б. Б. Голицын добился увеличения средств на содержание кабинета с 1000 до 2000 рублей в год; но и при этих средствах удалось оборудовать кабинет далеко не на высоте требований современной науки. Весь физический кабинет помещался в небольшой комнате в Главном здании Академии; в 1900 г. получена была добавочная площадь в подвальном помещении Главного здания для организации сейсмологических исследований.

Деятельность Голицына, занимавшегося ранее с успехом вопросами спектроскопии, молекулярной физики, лучей Рентгена, главным образом сосредоточилась в области сейсмологии; в 1900 г. была учреждена Постоянная центральная сейсмическая комиссия. В ее задачу входило создание сети сейсмологических станций, разработка инструкций для производства наблюдений. Наметив типовое устройство полного оборудования сейсмической станции, Голицын добился устройства сети станций I и II разрядов. Он разработал и новый тип замечательного по точности сейсмографа, и систему сейсмометрии, являясь, несомненно, одним из основателей нового отдела геофизики — сейсмологии.

В конце XIX в. состояние химической лаборатории было не лучше, чем физического кабинета. Из академиков-химиков в ней работал один Н. Н. Бекетов. Только после избрания в Академию Наук в 1913 г. Н. С. Курнакова положение химической лаборатории значительно улучшилось.

4*

Геологические науки получили свое развитие в трудах академиков А. П. Карпинского и Ф. Н. Чернышева, много способствовавших общему подъему геологических знаний в стране. Глубокая любовь к своей родине и стремление приложить свои знания к ее нуждам — вот те руководящие начала, которым подчиняли всю свою работу эти ученые. Оба — деятельные профессоры Горного института, основатели и первые руководители Геологического комитета, они провели большую организационную работу по постановке систематического и планомерного геологического изучения России. Карпинский и Чернышев принимали также живейшее участие во внутренних делах Академии.

До вступления их в Академию Минералогический музей влачил жалкое существование; как и многие другие академические учреждения, он не имел ни достаточных средств, ни надлежащего штата; теснота помещения исключала возможность экспозиции коллекций. Карпинский и Чернышев поставили перед собой задачу организации национального геологического музея, который мог бы служить целям научным и популяризационным. В 1900 г. директором преобразованного Музея был назначен Ф. Н. Чернышев. Вокруг него образовалась группа преданных делу учеников и сотрудников Геологического комитета, работавших в Музее в качестве хранителей и научных работников по описанию коллекций, как К. А. Волоссович, А. А. Борисяк, И. Ф. Синцов, И. В. Мушкетов, молодой минералог В. И. Воробьев, занимавшийся систематической обработкой минералогических коллекций Музея, и ряд других.

Блестящим продолжателем Чернышева в работе по организации геологических исследований в Академии и в создании национального музея явились В. И. Вернадский (избранный в действительные члены Академии Наук в 1906 г. и с 1911 г. всю свою деятельность посвятивший Академии) и молодой ученый А. Е. Ферсман, впоследствии академик.

Музей стал интенсивно пополняться большими ценными коллекциями, исключительно богатыми по подбору минералов. В. И. Вернадский руководил работой по их научной классификации, описанию и, самое главное, по систематическому исследованию минералов. Уже в 1909 г. при Музее была создана минералогическая лаборатория. В. И. Вернадским был поднят также вопрос об исследовании радиоактивных месторождений России. С большим трудом удалось добиться нужных средств, и в 1910 — 1912 гг. были организованы поиски в Забайкалье, на Урале, в Закавказье

и других местах. Труды геологов освещались на страницах периодического издания «Труды Геолого-минералогического музея».

В развитии ботанических наук в Академии отмечается то же направление, что и в геологии, — стремление к изучению родной страны. С. И. Коржинский, вступивший в Академию адъюнктом в 1893 г., писал о гербарии Ботанического музея, что там были коллекции всевозможных экзотических растений из разных стран, даже растения из гробниц фараонов, но русский гербарий был невелик, состав его случаен и разрознен. Для изучения русской флоры он направил свою деятельность на организацию флористических и геоботанических исследований России и, прежде всего, для этой цели использовал Ботанический музей. Вновь подобранный дружный коллектив научных работников (Е. Н. Клеменц, В. И. Липский, позднее В. Г. Траншель, Д. И. Литвинов и др.) начал создавать возможно полный гербарий русских растений. Результаты работ этого коллектива изданы в труде «Гербарий русской флоры».

После рано умершего академика С. И. Коржинского работы Ботанического музея продолжил И. П. Бородин (ординарный академик с 1902 г.); им было осуществлено издание «Флоры Сибири и Дальнего Востока». В истории русской науки Бородин памятен как первый организатор русских ботаников. В 1915 г. им было основано при Академии Наук Русское ботаническое общество. В Ботаническом музее недолгое время работал и академик М. С. Воронин, положивший начало флористической микологии, впервые примененной в борьбе с паразитными грибами в сельском хозяйстве и растениеводстве. На личные средства Бородина и Воронина была основана первая биологическая станция в Бологом для изучения растительности пресноводных водоемов. (Станция потом была перенесена на озеро Селигер, а оттуда в Карелию.)

Изменились к лучшему условия научной работы А. С. Фаминцына. В 1890 г. была учреждена в Академии лаборатория по анатомии и физиологии растений. Кроме того, Фаминцын, состоя председателем Вольного экономического общества, принимал большое участие в разработке проектов поднятия сельского хозяйства в России, в проектах создания сети опытных сельскохозяйственных станций. Особенно живое участие принимал он во внутренних делах Академии и в ее общественных выступлениях. В 1914 г. в Академию вступил по кафедре физиологии растений один из учеников Тимирязева — В. И. Палладин, смелый экспериментатор и

теоретик; некоторые положения Палладина стали понятны лишь в последнее время, в свете современных научных исследований.

Уже было упомянуто, что Зоологический музей получил значительные средства для оборудования. Благодаря этому он широко развернул свои работы. Музей удалось оборудовать с учетом достижений музейной техники в Европе. В 1901 г. реорганизованный Музей широко раскрыл свои двери для посетителей, без стеснительных правил середины XIX в., привлекая до миллиона посетителей в год. В научной деятельности Музея наметилось то же направление изучения по преимуществу отечественного материала. В Положении о Музее 1895 г. Музей определяется как «центральное учреждение для познания животного царства преимущественно России». В конце XIX в. виднейшие русские ученые, работавшие в Зоологическом музее, положили начало морфологическому направлению в зоологии. Так были избраны академиками А. О. Ковалевский, Д. Н. Анучин, В. В. Заленский, Н. В. Насонов. Была расширена научно-исследовательская база: к Академии была присоединена Севастопольская биологическая станция (заведывал ею А. О. Ковалевский), а при Зоологическом музее была учреждена Особая зоологическая лаборатория.

Необходимо отметить большую экспедиционную деятельность академических зоологов, внесших крупные вклады в коллекции Музея, а также работу по пропаганде естественно-исторических знаний, поддержку связей с местными натуралистами, коллекционерами и любителями природы.

В 1907 г. заведующим физиологической лабораторией стал академик И. П. Павлов. С этого времени лаборатория приняла деятельное участие в разработке учения об условных рефлексах, составившего славу И. П. Павлова.

Значительно оживилась работа в Академии и по Историко-филологическому отделению. В 1899 г. в Академию был избран по русской истории А. С. Лаппо-Данилевский, соединявший в себе большие познания и любовь к делу с недюжинными организаторскими способностями. В плане своих работ Лаппо-Данилевский поставил научное издание русских исторических памятников, актов и грамот. В виду обширности задач он привлек к этому делу и объединил при Академии ряд известных археографов и историков (М. А. Дьяконова, С. А. Шумакова, Н. Д. Чечулина, В. Г. Дружинина, М. М. Богословского и других молодых начинающих историков). При громадности и необозримости для одного иссле-

дователя подлежащих изучению материалов этот опыт коллективной работы, основанный на едином плане и методе, был весьма ценен и плодотворен.

Особая кафедра византиноведения была занята последовательно академиками В. Г. Васильевским, Н. П. Кондаковым и Ф. И. Успенским. Значение византиноведения особенно возросло с тех пор, как русская историческая наука стала изучать происхождение культуры русского и других восточноевропейских народов. В связи с развитием изучения византийской истории и культуры в 1894 г. был основан Русский археологический институт в Константинополе для руководства работою русских ученых по истории и древностям Греции, Передней Азии. Институт должен был способствовать развитию русской археологической науки на основе непосредственного изучения вещественных памятников бывшей Византийской Империи. Руководителем Института был академик Ф. И. Успенский.

Развитие востоковедческих дисциплин шло в Академии в направлении, намеченном В. Р. Розеном, который считал целесообразным изучение в России тех отраслей ориенталистики, в которых русские ученые могут и должны итти во главе. Главнейшими предметами для русского востоковедения Розен полагал изучение народностей России, восточную нумизматику, сношения России с Востоком. В дальнейшем школа Розена дала таких выдающихся ученых, как академики Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский, которые и подняли русское востоковедение на весьма большую высоту.

В 1909 г. в Академию вступил лингвист и кавказовед Н. Я. Марр, за год перед этим опубликовавший знаменитое исследование о строе грузинского языка и его сравнительных сопоставлениях с языками других систем. Он создал первую школу кавказоведов — лингвистов и археологов; однако полное развитие теория Н. Я. Марра получила уже после Октябрьской революции.

Значение работы русских ученых, изучавших быт и языки восточных народов, было засвидетельствовано тем, что на XII Конгрессе ориенталистов в Риме, по докладам академиков В. В. Радлова и С. Ф. Ольденбурга, решено было учредить Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии, с центральным комитетом в Петербурге.

Центральное место в работах Отделения русского языка и словесности занимала славяно-русская филология в трудах акаде-

миков А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, А. И. Соболевского, И. В. Ягича, В. И. Ламанского и др. Главное место отводилось изучению русского языка и древнерусских памятников письменности. Характерно то, что эта задача не являлась только научно-теоретической проблемой, но имела и большое общественное значение для национального сознания и национальной культуры русского народа.

Одним из главных предприятий Отделения в области русского языка было составление «Словаря русского языка», в котором принимали участие молодые филологи: Н. С. Державин, С. К. Булич, Д. К. Зеленин, С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, П. Л. Маштаков и др.

Началось усиленное изучение живых говоров и, по инициативе Шахматова, в 1903 г. Отделение приняло в свой состав Московскую диалектологическую комиссию. В годы с 1903 по 1917 эта Комиссия провела огромную работу по сбору материалов о говорах и наречиях русского языка.

Работы по славяноведению печатались в «Энциклопедии славянской филологии», выходившей под редакцией академика И. В. Ягича, куда были привлечены крупнейшие русские и западные филологи. Издание являлось основою сближения ученых филологов — русских и других славянских стран.

Сближение и развивающиеся связи славистов привели к мысли о создании Союза славянских Академий и ученых обществ, но организации его помешали военные события 1914 г.

Над изучением русского летописания и истории русского языка много потрудился академик А. А. Шахматов. Он оставил по себе память и как передовой ученый, и как общественный деятель, упорно отстаивавший в тяжелых условиях царского режима свободу слова и право на признание и свободное употребление национальных языков, в том числе украинского. Труды А. А. Шахматова составили важную веху и в истории русского языковедения и в развитии русской исторической науки.

В 1899 г. возникла мысль о создании специального учреждения, посвященного изучению жизни и творчества Пушкина. Позднее, в 1905 г., эта мысль была осуществлена созданием особого Музея имени Пушкина — пантеона всей русской литературы — Пушкинского Дома, получившего свое оформление лишь в 1918 г. В нем были сосредоточены рукописи, книги, реликвии великого поэта, а затем и многих других русских писателей. Основателями

и устроителями Пушкинского Дома были академик Н. А. Котляревский и крупнейший пушкинист-исследователь и неутомимый собиратель национальных культурных ценностей член-корр. Академии Наук СССР Б. Л. Модзалевский, который отдал этому делу большую часть своей жизни. Новое академическое учреждение, Пушкинский Дом, было в эти годы единственным учреждением, изучавшим новую русскую литературу, и главным образом Пушкина и его эпоху. С 1903 г. стал выходить специальный орган под названием «Пушкин и его современники».

В связи с Пушкинским юбилеем 1899 г. также был выдвинут проект образования при Академии Наук в составе второго Отделения особого Разряда изящной словесности, в который в качестве членов могли бы избираться писатели, художники, литераторы, публицисты и критики. Разрешение на осуществление этого проекта было дано в день Пушкинского юбилея (26 мая 1899 г.) в особом указе в следующих словах: «Ознаменовать столетие со дня рождения великого писателя Пушкина учреждением в императорской Академии Наук посвященных его памяти: Разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина при втором Отделении Академии».

По проекту предполагалось учреждение в Отделении 6 новых кафедр ординарных академиков для занятия их писателями и художниками. Вместе с тем проект давал и новую формулировку задач второго Отделения, значительно расширяя цели и задачи его по сравнению с положением 1841 г., когда было образовано Отделение.

Но если расширение деятельности второго Отделения шло навстречу желанию его членов, например А. А. Шахматова, то учреждение дополнительных кафедр для писателей и художников в среде академиков не встретило сочувствия. Разряд изящной словесности был создан, но члены его получили звание почетных академиков, т. е. на них не возлагалось определенных обязанностей и они не получали (как все почетные члены того времени) содержания. Почетные академики могли собираться в заседаниях Разряда, обсуждать литературные предприятия, присуждать премии за литературные произведения.

В число первых почетных академиков были избраны Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, В. В. Стасов и др. При дополнительных (очередных) выборах в 1902 г. произошел так называемый «академический инцидент».

Избранный в почетные академики А. М. Горький был лишен звания почетного академика без ведома избиравших его академиков согласно всем известной теперь резолюции Николая II на «донесении» об этих выборах: «Более, чем оригинально». Сравнительно тихое и спокойное течение жизни в Академии Наук было нарушено. Два почетных академика — А. П. Чехов и В. Г. Короленко в виде протеста покинули Академию. В истории Академии это был первый случай протеста, направленного против произвольных действий царского правительства.

Революция 1905 г. вызвала отзвуки и в Академии. Хорошо известна «Записка 342 ученых», опубликованная в январе 1905 г., где были изложены нужды и недостатки народного образования. Под «Запиской» среди подписей преподавателей высших школ стояли также подписи семнадцати академиков. Это было первое общественное выступление, если не считать выступления отдельных академиков в связи с кассацией выборов Горького. Подписались не только молодые ученые, как А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург, А. С. Лаппо-Данилевский, но и представители старшего поколения — А. С. Фаминцын, А. А. Марков, Ф. Н. Чернышев, И. П. Бородин. Были среди них и такие, которые обычно держались в стороне от активного участия в политической борьбе, как академики А. М. Ляпунов, К. Г. Залеман, В. В. Заленский, и академики весьма почтенного возраста — Ф. В. Овсянников, Ф. Ф. Бейльштейн, Н. Н. Бекетов.

Последовавшее затем столкновение этих академиков с президентом, который считал своим долгом охранять Академию от всякого вмешательства в общественную жизнь, привело к тому, что подписавшиеся академики твердо стали на защиту права публичного выражения своего мнения, права и долга гражданина. И они отстояли это право. Если после «академического инцидента» с кассацией выборов Горького произошло значительное охлаждение между некоторыми членами Академии и ее президентом, то после столкновения по поводу «Записки» авторитет президента был окончательно поколеблен.

Между тем, основная деятельность Академии продолжалась. В конце XIX в. Академией Наук было организовано несколько крупных экспедиций, имевших, главным образом, целью обследование земель Европейской России и Сибири по берегам Ледовитого океана. Эти экспедиции напоминали собою экспедиции XVIII в. Такова была экспедиция геолога И. Д. Черского, ко-

торая после его гибели была продолжена хранителем Геологического музея Э. В. Толем; затем предпринятая по инициативе того же Толя морская экспедиция, известная под именем Русской полярной, субсидированная правительством, с большим числом участников; наконец, проведенная в еще большем масштабе экспедиция по градусному измерению на островах Шпицбергена (1899—1901), которая продолжила работы академика В. Я. Струве по измерению дуги меридиана, начатые в 30-х годах XIX в.

Из более крупных экспедиций, самостоятельно организованных Академией Наук, можно назвать археолого-лингвистическую экспедицию академика С. Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан, несколько радиевых экспедиций Геологического музея в Фергану, на Кавказ, Урал и в Забайкалье. За неимением достаточных средств у Академии Наук все чаще практикуется участие ученых Академии в экспедициях, организуемых другими учреждениями (например Географическим обществом) и частными лицами.

Издательская деятельность Академии Наук далеко не соответствовала широте ее научных предприятий. В соответствии с развитием специальных дисциплин все более усиливалась дифференциация серийных и периодических изданий: начали выходить отдельно «Труды Ботанического музея», «Труды Ботанической лаборатории», «Ежегодник Зоологического музея», «Византийский временник» и пр. Появились большие библиографические труды, выявившие наличие русских научных трудов в области физико-математических и естественных наук. В 1901 г. под председательством академика А. С. Фаминцына было учреждено Бюро международной библиографии, задачей которого было издание «Русской библиографии по естествознанию и математике». Дубликаты библиографических карточек отсылались в Лондонское Королевское Общество для издания международной библиографии по этим наукам.

Библиотека Академии Наук, запущенная к концу XIX в., в годы директорства А. А. Куника, и много лет мало доступная для посторонних лиц, была реорганизована новым директором — академиком А. А. Шахматовым. В противоположность своему предшественнику, Шахматов охотно расширял читательские круги, привлекая молодых ученых. Было значительно расширено рукописное отделение Библиотеки. Им заведывал В. И. Срезневский. В отделении сосредоточивались памятники древнерусской письменности. Шахматов и Срезневский в русском отделении собирали

также подпольную революционную литературу. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин пересылал из-за границы на хранение в Библиотеку Академии Наук нелегальные большевистские издания.

Первая мировая война неблагоприятно отразилась на развитии Академии Наук: средства на содержание ее были сокращены; некоторые учреждения, как Севастопольская биологическая станция, временно прекратили свою работу. В то же время перед Академией встала задача перестроить работу, сообразуясь с военными нуждами. Сначала в порядке личной инициативы наиболее активные члены Академии Наук отдали свои силы и знания сотрудничеству с общественными организациями (военно-промышленные комитеты, союзы земств и городов). Академиком Б. Б. Голицыным в Главной физической обсерватории была организована мастерская по производству научных приборов и инструментов для нужд армии, вплоть до изготовления медицинских термометров. Он принял участие также в организации нарождавшейся авиационной промышленности. Академик Н. С. Курнаков работал по ряду вопросов химической промышленности. Отдельные академики выполняли специальные задания военного ведомства.

Наконец, в Академии был поднят вопрос о необходимости развернуть, в связи с военными нуждами, работы по изучению естественных производительных сил России. 21 января 1915 г. группа академиков (А. П. Карпинский, Б. Б. Голицын, Н. С. Курнаков и Н. И. Андрусов), во главе с академиком В. И. Вернадским, внесла предложение создать при Академии Наук постоянную комиссию по изучению естественных производительных сил России.

Академик А. С. Фаминцын, председатель созданной предварительной комиссии, конкретно указал задачи организуемой постоянной комиссии: «Россия находится в настоящее время в опасности. Злой сосед всеми мерами старается помешать ее строительству. Обязанность каждого гражданина — принести свою посильную лепту на помощь нашему отечеству. Требуется в первую очередь обеспечение нашей доблестной армии питательными продуктами, теплой одеждой и снарядами... Не менее важная задача — устранение нашей вопиющей экономической отсталости. Необходимо для этого немедленно приступить к систематической регистрации имеющихся сведений о естественных производительных силах России, природных ее богатствах с тем, чтобы сделать возможным,

по изгнании врага из пределов нашего отечества, приступить к их разработке».

4 февраля Постоянная комиссия (КЕПС) была образована в следующем составе: академики А. С. Фаминцын, А. П. Карпинский, Б. Б. Голицын, М. А. Рыкачев, Вл. Вл. Заленский, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, Н. В. Насонов, И. П. Павлов, П. И. Вальден, Н. С. Курнаков, Н. И. Андрусов и В. И. Палладин. В дальнейшем членами Комиссии был приглашен ряд виднейших ученых страны, между ними Д. Н. Анучин, В. А. Обручев, Е. С. Федоров и др.

В программу деятельности Комиссии входило издание сводного труда по описанию известных уже природных богатств страны и специальные исследования отдельных природных объектов, мало изученных для использования в промышленности, например, обработка русской платины, соляные исследования, добыча глин и огнеупорных материалов, использование сапропелитов, энергетических ресурсов (в частности использование силы ветра) и пр. Намечалась также большая организационная работа по объединению научных сил, созданию сети исследовательских институтов, подготовке средних технических кадров и т. п. В первую очередь имелось в виду обслуживание текущих военных нужд. Для исследовательских работ, вместо отложенного постройкой до конца войны большого Ломоносовского физико-химического института, был утвержден временный Ломоносовский комитет. Комиссия получила средства на издание сборника «Естественные производительные силы России» и на отдельные исследования, что вместе с бюджетом КЕПС составило сумму в 197 700 рублей.

Деятельность КЕПС в сношениях с другими учреждениями выразилась в организации ряда специальных научных совещаний по учету и добыче полезных ископаемых, в консультациях по специальным вопросам: о жидком стекле (по запросу Главного военно-технического управления), об использовании спирта, об обработке стекла для химической посуды, об изоляционных огнеупорных материалах, иоде, углекислом барии, слюде и пр. За консультациями по вопросам о лекарственных растениях обращались санитарное ведомство и местные учреждения. Были запросы от Русского правительственного комитета в Лондоне, Русско-американской торговой палаты и др. Путем научных командировок и экспедиционных исследований изучались месторождения бокситов, глин, исландского шпата, никеля, запасов солей.

В России начало века ознаменовалось тремя революциями. После февральской революции 1917 г. Академия Наук получила полную автономию и была из Императорской Академии Наук переименована (в мае 1917 г.) в Российскую Академию Наук. На Общем собрании Академии Наук 15 мая 1917 г. впервые в ее истории сами академики из своей среды выбрали президента. Был избран один из старейших (с 1886 г.) академиков, геолог с мировым именем, Александр Петрович Карпинский. Исполнение обязанностей вице-президента было поручено ботанику, академику И. П. Бородину. На первое очередное собрание Академии была послана повестка также почетному академику А. М. Горькому, которого Академия считала своим членом с 1902 г.





Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила барьер между наукой и народом, сблизила науку с жизнью и в небывалой степени расширила горизонты науки. Партия и советское правительство создали совершенно новые, исключительно благоприятные условия для развития Академии Наук и всей ее деятельности.

Ни для какого общественного строя наука не является столь необходимым условием его существования и развития, как для социалистического. Без науки, — говорил Ленин, — построить социализм невозможно. Ни один класс не заинтересован в такой мере в развитии крупных центров научной мысли, как пролетариат, приступающий к строительству социалистического общества.

Поистине громадное определяющее значение для будущих судеб Академии имело отношение к ней Владимира Ильича Ленина. Он видел в Академии, этой былой «пленнице самодержавия», живую и действенную силу, коллектив замечательных и нужных Советской стране людей. Ленин видел потенциальные возможности, заложенные в этом старинном, имевшем двухвековую давность, высшем ученом учреждении страны. В. И. Ленин очень внимательно относился к культурным ценностям, созданным гением великого русского народа.

В. И. Ленин — мы можем это твердо сказать теперь — не ошибся в своем предвидении. В. И. Ленину обязана Академия своим вторым рождением как Советская Академия Наук — центр

научной мысли страны, строящей социализм. Ленин понимал и то, что Академия Наук, в течение двух столетий развивавшаяся в особых специфических условиях царского самодержавия, не может стать сразу подлинно советской и что ученым дореволюционной России, отдавшим всю свою жизнь служению науке, нужны время и факты, чтобы убедиться, что только в Советском государстве возможен подлинный расцвет науки.

В 1918 г. народный комиссар просвещения А. В. Луначарский обратился в Академию «по вопросу о возможной научной работе Академии Наук в связи с различными государственными задачами настоящего времени».

В ответ на это, по поручению Конференции Академии Наук, непременный секретарь писал, что Академия «всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организационным и привлекающим ученые силы страны центром».

Новое обращение советского правительства к Академии было сделано в письме на имя президента Академии Наук А. П. Карпинского; в письме указывалось на необходимость создания организационного центра для планомерного изучения экономического положения и производительных сил страны, что отчасти уже предпринималось Академией Наук в виде организации Комиссии по изучению естественных производительных сил в 1915 г. В письме было подчеркнуто, что в тяжелой обстановке того времени, быть может, только «высокому авторитету Академии с ее традицией чистой, независимой научности удалось бы, преодолев все трудности, сгруппировать вокруг этого большого научного дела ученые силы страны».

В ответ на это обращение была послана записка Комиссии по изучению естественных производительных сил, в которой выражалось желание принять участие в экономических, статистических, картографических работах, в работах по изучению населения; указан был ряд объектов исследования, которые могли бы войти в план работы Комиссии: описательные работы в области полезных ископаемых, энергетики, водного и сельского хозяйства. Полученные материалы были представлены А. В. Луначарским на рассмотрение Совета Народных Комиссаров, который 12 апреля 1918 г. принял постановление: «Пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования

Академии Наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, следует немедленно дать от В.С.Н.Х. поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное размещение промышленности

—*)

*) Надо ускорить издание этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат Нар. Просв., и союзу работников печати, и в Комиссариат Труда.

в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

~~[illegible]~~ Наибольшее обеспечение нынешней Рос. Сов. Республики (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию.

В. И. Ленин. Набросок плана научно-технических работ Академии Наук. 1918 г.

соответственных работ Академии и указать ей как особо важную и неотложную задачу систематическое разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

Лично В. И. Ленин в 1918 г. составил известный «Набросок плана научно-технических работ», из которого видно, как грандиозен был размах работ, поручаемых Академии.

Академии поручалось образовать ряд комиссий из специалистов для «возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России».

Владимир Ильич Ленин писал: «Академии Наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил * России, следует немедленно дать от В. С. Н. Х. поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской Республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию». [1]

* Надо ускорить *издание* этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения и в союз типографских рабочих и в Комиссариат труда. (Примечание В. И. Ленина. *Ред.*)

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 434.

Академия не сразу нашла новые пути для плодотворного сотрудничества с революционной властью, не сразу преодолела отрыв теории от практики, который нередко имел место в старой Академии. Надо было преодолеть укоренившиеся традиции индивидуального выбора тем научных исследований, иногда очень далеких от жизни, случайных, в то время как молодая Советская республика требовала разработки тех теоретических вопросов, которые в данный момент были актуальны в приложении к практическим задачам, стоящим перед страной. Для создания такой органической связи между теорией и практикой требовалось не только время, но и ломка некоторых из академических традиций. Все же Академия медленно, но верно поворачивалась лицом к социалистическому строительству, чтобы занять соответствующее место в передних рядах борцов за социализм.

На всем протяжении периода гражданской войны Советское правительство неоднократно проявляло бережное отношение к Академии, величайшее внимание и заботу о ней. Лично В. И. Ленин неоднократно помогал Академии облегчением условий научной работы. Так, в 1918 г., по его инициативе, Совет Народных Комиссаров, несмотря на затруднения в снабжении бумагой и в печатании книг, предоставил Академии возможность издать 200 печатных листов научной продукции; в октябре 1920 г. Ленин дал распоряжение Народному комиссариату просвещения о немедленном выяснении практических мер для улучшения бытового положения ученых. В январе 1921 г. Владимир Ильич подписал известный декрет о всемерном обеспечении условий научной работы академика И. П. Павлова. Даже отдельные частные нужды Академии всегда находили в нем отклик. Так, 1 ноября 1920 г. Ленин лично подписал мандат — удостоверение ученому хранителю рукописного отделения Библиотеки Академии, члену-корр. В. И. Срезневскому на право вывоза из Саратова рукописных собраний Академии, эвакуированных туда из Петрограда во время войны. В 1921 г. благодаря содействию Ленина Академии было возвращено военным ведомством здание Академической библиотеки. Владимир Ильич Ленин неоднократно лично принимал у себя представителей Академии — вице-президента В. А. Стеклова и непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга — и вел с ними беседы о нуждах и работе Академии. Так внимательно и чутко относились Советское правительство, Коммунистическая партия в лице их главы и вождя к Академии Наук уже в первый период

после революции, несмотря на крайне тяжелые условия того времени.

Благодаря такому отношению Академия Наук смогла в те годы не только полностью сохранить все свои научные ценности, но и увеличить их. Так, Пушкинский Дом, получивший первые штаты и бюджет в 1918 г., пополнил свои собрания большим количеством рукописей и материалов из вскрытых революцией банковских сейфов буржуазии, из конфискованных барских усадеб; Библиотека Академии Наук получила тогда пополнения из национализированных книжных собраний; наконец, накопления многих ученых обществ и организаций также поступили в Академию Наук.

Характерно, что в эти годы в Академии начинается глубокий процесс выработки новых организационных форм работы. Именно к этим годам относится возникновение научно-исследовательских институтов Академии. В числе первых учреждений этого типа следует назвать Институт физико-химического анализа, организованный академиком Н. С. Курнаковым, Яфетический институт, созданный академиком Н. Я. Марром, Платиновый институт. В первую половину 1918 г. в КЕПС образовались Отдел редких элементов под председательством академика В. И. Вернадского, Отдел нерудных ископаемых, драгоценного и поделочного камня под председательством академика А. Е. Ферсмана, Отдел строительных материалов под председательством академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга. Всего было организовано до 20 различных отделов. В состав Академии вошло в это время 9 научных учреждений и обществ, существовавших до того самостоятельно (например, Археографическая комиссия и др.). Лаборатория имени академика И. П. Павлова превратилась в Физиологический институт. Был учрежден и развился в большое исследовательское учреждение Почвенный институт. Выросли из лабораторий и кабинетов Химический и Физико-математический институты.

Частично, на основе специальных подкомиссий КЕПС, были созданы институты: Государственный оптический, Российский гидрологический.

Тематика исследовательских работ большею частью еще была связана с предыдущим, дореволюционным периодом, но результаты некоторых академических работ весьма пригодились для разрешения ряда вопросов и задач, поставленных советскими органами. Так, этнографические работы и карты, составленные в Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС),

помогли Народному комиссариату иностранных дел в переговорах по установлению западных границ РСФСР и Народному комиссариату национальностей при размежевании национальных районов. Результаты работ комиссий (при Отделении русского языка и словесности) по упрощению правописания русского языка явились основой для декрета правительства 1918 г. о реформе правописания. Реформа календаря также была выработана в сотрудничестве с Академией Наук. Академия, всегда изучавшая быт, нравы и языки народов, населяющих нашу многонациональную страну, принимала живейшее участие в создании первых алфавитов для бесписьменных народов, пробужденных к новой жизни Октябрьской революцией.

Еще в 1920 г. под руководством академика А. Е. Ферсмана начались исследования Кольского полуострова, которые привели впоследствии к созданию промышленного центра, разрабатывающего апатито-нефелиновые залежи.

Таким образом, уже в первые годы молодого Советского государства Академия Наук благодаря заботам В. И. Ленина была не только сохранена как важнейший научный центр, но и вовлечена в активное строительство новой жизни. В ней, несмотря на все трудности времени гражданской войны, не потухала научная жизнь.

Спустя несколько лет А. М. Горький, близко наблюдавший жизнь и работу ученых в Петрограде того времени, вспоминал в одном из своих писем к С. Ф. Ольденбургу, как поразило его стоическое мужество творцов русской науки в самые трудные дни блокады и интервенции:

«Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали. Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед вами, герои свободной, бесстрашно исследующей мысли».

После 1921 г. условия научной работы в Академии Наук стали заметно улучшаться в связи с общим подъемом экономического положения страны. Бюджет из года в год увеличивался благодаря сверхсметным ассигнованиям, отпускавшимся правительством. С помощью Петроградского Совета была удовлетворена самая острая нужда Академии в помещениях. Пушкинский Дом-музей получил отдельное здание. Было возвращено строившееся для

Библиотеки Академии Наук здание, долгое время занятое другим ведомством. После наводнения 1924 г., принесшего Академии много ущерба, на «Стрелке» Васильевского острова академическим учреждениям были предоставлены дополнительные помещения. Благодаря этому Академия получила возможность развернуть свои музеи и новые лаборатории. К 1925 г. площадь, занимаемая академическими учреждениями, выросла почти вдвое по сравнению с площадью 1917 г.: с 54 000 кв. метров в 1917 г. до 91 000 кв. метров в 1925 г. На ряду с непрекращающейся научной работой учреждения Академии Наук живо откликались на те или иные задания хозяйственных организаций.

Постепенно восстанавливались научные связи как внутри страны, так и с заграничными учеными. В 1917 г. почетных членов-иностранцев было 6, а в 1925 г. — 15; членов-корреспондентов из других стран в 1917 г. — 54, а в 1925 г. это число выросло до 165.

За годы 1917—1925 в Академию вступило 29 действительных членов: среди них минералоги А. Е. Ферсман, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг; физики: П. П. Лазарев, А. Ф. Иоффе; ботаники: В. Л. Комаров, В. Л. Омелянский, С. П. Костычев; зоолог А. Н. Северцов; историки: М. М. Богословский, В. П. Бузескул; востоковеды: Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатской, И. Ю. Крачковский. В 1925 г. число действительных членов было 42. Число научных работников по академическим учреждениям возросло с 154 человек в 1917 г. до 413 в 1925 г. Общее число работников Академии в 1925 г. достигло 1055 человек.

В 1924 г. умер В. И. Ленин.

Смерть Ленина, взволновавшая всю страну, всколыхнула и ученых. Академия потеряла в нем лучшего друга. Именно Ленин является основоположником новой, Советской Академии как научного штаба Советской страны, хранящего и развивающего дальше все лучшее из достижений научного творчества передовых русских ученых старой Академии за два века ее существования.

После смерти В. И. Ленина руководство Советским государством и большевистской партией перешло к его соратнику, другу и великому продолжателю его дела, И. В. Сталину. Направляя всю жизнь Советской страны по пути, предначертанному Лениным, товарищ Сталин всегда уделял и уделяет исключительное внимание делу развития науки и ее руководящего центра в нашей стране — Академии Наук СССР.

В 1925 г. Академия Наук праздновала свой 200-летний юбилей. Празднество вылилось в торжество русской науки. Приветствовать одну из старейших академий в мире съехались отечественные ученые и другие деятели Советского Союза (до 1000 делегатов) и представители академий и университетов Западной Европы, Америки, Азии, далекой Австралии, главным образом ученые, состоявшие почетными членами и членами-корреспондентами русской Академии Наук. 29 стран мира через своих представителей приветствовали Академию или послали адреса письменно. В приветствиях отдавалось должное научным заслугам Академии Наук, по праву занявшей почетное место в мировой науке. Съехавшиеся иностранные делегаты лишний раз убедились в том, как высоко ценится наука в Советском Союзе, как она живет и развивается.

От имени Правительства СССР Академию приветствовал Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин. В своей речи он заявил, что «именно социалистическое общество, больше чем какой бы то ни было другой общественный строй, нуждается прежде всего в широком развитии как абстрактных, так и практических научных дисциплин, и оно же впервые дает научной мысли и работе условия подлинной свободы и плодотворного общения с самыми широкими массами». Правительство СССР выразило полную готовность с своей стороны поддержать все шаги, направленные к беспрепятственному и широкому интернациональному общению научных деятелей.

Большинство научных учреждений, высших учебных заведений, а также многие государственные учреждения и промышленные предприятия в своих приветствиях отмечали, какое значение имела Академия в их научной или практической деятельности. Во всех приветствиях красной нитью проходила мысль, что «в неизмеримом ряде величайших открытий во всех областях знаний, начиная от глубочайших тайн строения вещества и до строения звездных миров, в бесчисленных трудах, беспредельно расширявших горизонты человеческой мысли... доля русской Академии Наук, ее труды... безмерно велики».

Еще более замечательно в этом юбилее было то, что он являлся действительно народным празднеством. На юбилей Академии живо откликнулись из всех уголков Союза местные музеи, краеведческие организации, изыскательские партии, общества, кружки, работники школ, рабочие и работницы различных профессий,

красноармейцы и краснофлотцы, студенты и учащиеся средней школы. Все эти советские люди чувствовали себя глубоко связанными в той или иной мере с Академией Наук, тепло благодарили за реальную помощь, за научное содействие, за поднятие культуры, которая становится достоянием каждого. «Эта крепкая постоянная связь, — писали работники школ, — в ближайшее время должна расшириться и углубиться... одни строят науку, другие расчищают пути, по которым эта наука подойдет к трудящимся массам».

Постановлением правительства 27 июля 1925 г. Российская Академия Наук была преобразована в Всесоюзную и получила наименование: Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик. Этим актом Советское правительство вновь оказывало свое доверие Академии Наук как организации ученых, распространяя ее влияние на всю территорию Союза. В то же время правительство ставило перед Академией новые задачи, из коих важнейшей было непосредственное включение в строительство социалистического общества и государства.

18 июня 1927 г. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил новый Устав Академии Наук (заменивший Устав 1836 г.). Здесь основные задачи Академии Наук СССР были определены следующим образом:

«Развивать и усовершенствовать научные дисциплины... изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию... приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве СССР».

Академия была передана в ведение Совета Народных Комиссаров СССР. Непосредственная связь Советского правительства с руководством Академии Наук усилилась, забота о каждодневных нуждах штаба науки и его учреждений с этого времени стала еще действенней.

Число действительных членов Академии было увеличено до 75; был установлен новый порядок их избрания. Право выдвигать кандидатов было предоставлено ученым учреждениям, общественным организациям и группам ученых, и избранию должно было предшествовать заключение о них особой комиссии, состоящей из академиков и ученых союзных республик. Существенные изменения были внесены в структуру Академии Наук: взамен трех Отделений было образовано два: Отделение математических и естест-

венных наук и Отделение гуманитарных наук, куда вошли прежние Отделения: историко-филологическое и русского языка и словесности.

В конце 1928 и в начале 1929 гг. Академия Наук, согласно новому Уставу, избрала 42 новых действительных члена; впервые выборы происходили при участии широких кругов советской общественности. Среди новых членов, на ряду с математиками, химиками, биологами, историками, литературоведами, в состав Академии вошли выдающиеся представители технических наук, люди, неразрывно связанные с практикой, творцы крупнейших технических и экономических проектов, ученые, вооруженные методологией марксизма-ленинизма.

В 1929 г. в Академию была направлена Правительственная комиссия, и с помощью общественности, которую возглавлял в Академии Наук академик В. Л. Комаров, был пересмотрен весь личный состав, проверена работа всех академических учреждений. В том же году Советом Народных Комиссаров СССР было утверждено Положение об аспирантуре Академии, и в ее учреждения влилось значительное число научной молодежи, многие представители которой являются украшением современной Академии. В 1930 г. был избран новый Президиум Академии; в новый Президиум, на ряду с переизбранным президентом А. П. Карпинским, вошли в качестве вице-президентов академики: В. Л. Комаров, Г. М. Кржижановский, Н. Я. Марр и непременным секретарем — академик В. П. Волгин.

С этого момента началась коренная перестройка Академии Наук, начался решительный поворот во всей ее деятельности. Громадную роль в этой перестройке сыграл С. М. Киров, повседневно проявлявший свое внимание к Академии, ее деятельности и нуждам.

В течение последовавших лет была произведена реорганизация ряда академических учреждений, в связи с новыми требованиями, предъявляемыми жизнью к Академии Наук. Был упразднен ряд мелких учреждений. На базе прежних музеев, кабинетов и комиссий был создан ряд крупных институтов с значительным количеством сотрудников. Так, например, в Отделении общественных наук существовавшие отдельно востоковедные учреждения Академии: Азиатский музей, Институт буддийской культуры, Тюркологический кабинет и Коллегия востоковедов образовали Институт востоковедения, объединивший работы по востоковедным дисцип-

линам. Пушкинский Дом, Толстовский музей и Комиссия по изданию сочинений Пушкина были объединены в Институт русской литературы, который возглавил академик А. В. Луначарский, а затем А. М. Горький. На основе Яфетидологического института был создан Институт языка и мышления. Аналогичная перестройка была проведена несколько позже и в Отделении физико-математических наук.

Точно так же было произведено слияние комплексных учреждений Академии Наук — Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), Комиссии экспедиционных исследований (КЭИ), Комиссии по изучению отдельных республик — в единую организацию: Совет по изучению производительных сил СССР (СОПС). На базе музеев — Зоологического, Геологического, Антропологии и Этнографии — были организованы институты. Был создан ряд новых научно-исследовательских учреждений, в том числе лаборатории микробиологическая, цитологическая, эволюционной морфологии, Институт мировой литературы им. А. М. Горького и ряд других.

Академии Наук в 1930 г. был передан Ботанический сад, основанный как аптекарский огород в 1713 г. на одном из петербургских островов и ранее не входивший в систему Академии Наук. Вместе с академическим Ботаническим музеем, существовавшим с 1837 г., оба эти учреждения вошли в состав новообразованного Ботанического института, носящего теперь имя академика В. Л. Комарова. Таким образом, был создан мощный научный ботанический центр, обладающий самым большим в мире гербарием в 5 миллионов экземпляров, с прекрасными оранжереями и лабораториями.

С ростом научной базы росло и число действительных членов Академии Наук. Избрание в число действительных членов по техническим наукам А. В. Винтера, Б. Е. Веденеева, И. П. Бардина, Г. О. Графтио еще более укрепило непосредственную персональную связь Академии Наук с громадным техническим строительством, происходившим в стране.

Впервые в истории Академии в 1930 г. был составлен годовой план работы — как отдельных ее учреждений, так и Академии в целом. Внесение планового начала в научные исследования позволило Академии преодолеть кабинетный академический индивидуализм. План научных работ был составлен из проблем, наиболее актуальных как с точки зрения потребностей роста науки,

так и с точки зрения практических запросов социалистического строительства.

Новое руководство сочло целесообразным провести ряд публичных выездных сессий. Такие сессии были проведены в 1931 г. в Москве, в 1932 г. — в Свердловске и Новосибирске. На сессиях ставились доклады по вопросам науки, имевшим большое значение для социалистического строительства, а также по проблемам производительных сил отдельных краев и областей Союза. Во время сессий академики и научные сотрудники Академии посещали заводы и фабрики, дома культуры и рабочие клубы, вступая в непосредственное личное общение с рабочими массами.

В целях подведения итогов и планирования исследовательских и экспедиционных работ в союзных и автономных республиках Совет по изучению производительных сил организовал ряд конференций по изучению производительных сил отдельных республик (Узбекистана, Туркмении и др.). В годы 1930—1934 было проведено 14 таких конференций. Кроме того, было организовано много конференций и совещаний, посвященных отдельным проблемам, например конференция по работам Академии Наук в Кулундинской степи (1932), совещание по проблемам лесохимии в Дальневосточном крае (1933) и т. д.

Помимо этого, Академия Наук приняла ближайшее участие во многих конференциях того же рода, созванных Госпланом, наркоматами и местными органами. За эти же годы учреждениями Академии Наук были самостоятельно организованы следующие научные конференции всесоюзного значения: I Всесоюзная конференция по изучению Солнца и солнечной энергии (1931), I Всесоюзная геоботаническая и флористическая конференция (1931), Совещание по эфироносам (1931), Всесоюзная плановая конференция по общей и сельскохозяйственной технической микробиологии (1932), Конференция почвоведов (1932), Всесоюзная конференция по физико-химическому анализу (1933), Всесоюзная конференция по повышению урожайности (1933), Всесоюзная конференция по витаминам (1934), Пушкинская конференция (1933) и др. Академия вышла из своих кабинетов на большую и широкую дорогу.

Экспедиционная деятельность Академии в эти годы значительно выросла. В 1930 г. в числе посланных Академией экспедиций был ряд сложных комплексных; в качестве примеров назовем из них две: Коми-Печорскую — для изучения Малоземельской

тундры и флористических исследований в дельте Печоры; Туркменскую — в составе отрядов географического, животноводческого, паразитолого-гигиенического, по изучению сорных растений и т. д. Большая часть экспедиций была посвящена исследованию отдельных объектов, как, например, предпринятая Минералогическим институтом экспедиция — по изучению пегматитов под руководством академика А. Е. Ферсмана; по геохимии подземных вод; в целях раскопок палеолитических стоянок и пещер Крыма и др. В 1931 г. были выполнены 142 экспедиции, в 1932 г. — 170, в 1933 — 203. Количественное увеличение экспедиций до 1933 г. указывает, несомненно, на рост деятельности соответствующих учреждений Академии. В 1934 г. число экспедиций уменьшается, что было вызвано главным образом увеличением их объема.

В эти же годы возникла новая форма деятельности Академии: идя навстречу растущим потребностям республик и краев в организации научной работы стационарного характера, Академия Наук приступила к созданию своих филиалов и баз на местах. В течение 1932—1933 гг. открылись Дальневосточный, Уральский филиалы, Кольская и Таджикская базы Академии Наук. Вслед за тем возникли филиалы в Грузии, Армении, Азербайджане, Казахстане. Все они претерпели довольно длительный организационный период, в их строительстве было немало трудностей. Тем не менее, в конечном итоге это начинание полностью себя оправдало. Некоторые из филиалов в течение нескольких лет настолько окрепли и выросли, что на подготовленной ими почве могли быть организованы самостоятельные республиканские академии.

Широкий размах получила в 1930—1934 гг. издательская деятельность Академии. Помимо многочисленных научных периодических изданий общеакадемического характера — «Известий», «Трудов» и «Сборников» институтов, Академия предприняла издание крупных коллективных трудов сводного характера. Таковы: «Минералы СССР», «Неметаллические ископаемые СССР», «Петрография СССР», «Палеонтология СССР», «Фауна СССР», «Животный мир СССР», «Флора СССР», «Сорные растения СССР». Совет по изучению производительных сил выпустил более 30 серий «Трудов» экспедиций.

Число действительных членов Академии Наук возросло к 1935 г. почти до 100 (среди них 18 представителей технических наук).

Таким образом, в те годы, когда страна работала над выполнением первой сталинской пятилетки, Академия Наук включилась в обслуживание основных нужд социалистического строительства. На эти годы падает переход Академии к плановой организации работы, превращение ее в большой, руководимый единой целью научный коллектив. Эти же годы отмечены процессом глубокой методологической перестройки работы Академии, — процессом усвоения в научном исследовании методологии марксизма-ленинизма.

Следует особо отметить большую роль, которую сыграла в этом процессе перестройки повседневная помощь Вячеслава Михайловича Молотова.

Второй пятилетке экономического строительства в стране соответствовал новый этап в жизни Академии Наук. В 1934 г. Академия постановлением правительства была переведена из Ленинграда в Москву. Тем самым она приобрела еще большее значение как руководящий центр научной работы в Союзе.

В Москве, на Б. Калужской улице, в переулках Замоскворечья, на Волхонке, во многих зданиях, предоставленных Академии Наук, разместились ее многочисленные институты и другие учреждения. В старинном Нескучном дворце расположился Президиум Академии и его аппарат. На правом берегу Москвы-реки незадолго до войны был положен первый камень будущего грандиозного здания Академии — истинного Дворца науки. В нем предположено разместить Президиум Академии с аппаратом и ряд академических учреждений. Обширный зал запроектирован для Общих собраний Академии Наук, научных съездов и конференций.

В 1935 г. был введен в действие новый, третий за советский период, Устав Академии (второй был утвержден в 1930 г., т. е. до переезда Академии в Москву), открывший перед ней огромные перспективы научной работы. Этот Устав ставил перед Академией Наук задачи всемерного содействия общему подъему теоретических и прикладных наук в СССР и планомерного использования научных достижений для строительства нового, социалистического, бесклассового общества. Эта основная задача включала в себя: разработку крупных ведущих проблем науки во всех ее отраслях, изучение природных богатств и производительных сил страны, изучение культурных и экономических достижений чело-

вечества для рационального их использования и обслуживание высших правительственных органов СССР путем научной экспертизы.

Новый Устав предусматривал создание, на ряду с двумя существовавшими Отделениями (физико-математических и общественных наук), Отделения технических наук.

В 1936 г. исследовательские институты Коммунистической академии вошли в состав Академии Наук. Это повело к значительному расширению работы Академии в области общественных наук. Отделение общественных наук пополнилось Институтами философии, права, экономики, мирового хозяйства и мировой политики. В эти же годы в ведение Академии перешли: Главная астрономическая обсерватория в Пулкове и Государственная академия истории материальной культуры в Ленинграде, которая в составе Академии образовала Институт истории материальной культуры имени академика Н. Я. Марра. К Академии Наук были присоединены также некоторые другие научно-исследовательские учреждения и организации, как, например, Всесоюзное географическое общество, Менделеевское общество и др.

Этому росту Академии Наук соответствовал рост ее сметы. Бюджет Академии, в досоветское время остававшийся одинаковым в продолжение ряда лет, связывал потенциальные силы Академии Наук, являлся тормозом в развитии ее научных предприятий и преградой в росте ее научно-исследовательских учреждений. В советские годы бюджет Академии быстро растет. Уже в 1938 г. общий бюджет Академии, включая капиталовложения, средства республиканских и местных бюджетов, составил сумму в 126 700 000 рублей, в 1939 г. — 158 000 000, а в 1940 г. — 176 912 000 рублей.

15 июля 1936 г. Академия Наук лишилась своего президента А. П. Карпинского, занимавшего этот пост почти 20 лет, с первых дней Советской власти. После смерти А. П. Карпинского президентом был избран крупнейший русский ученый, ботаник с мировым именем — академик В. Л. Комаров.

Последние пять лет перед войной Академия Наук провела в напряженнейшей творческой научной работе. В круг изучения Академии Наук теперь вошли почти все отрасли человеческого знания — как теоретического, так и прикладного характера; все специальности получили равные права в ее исследовательской работе и равную возможность иметь представителей

в среде членов Академии Наук. Близкие дисциплины объединены были в Отделения, число которых достигло восьми. В первое Отделение вошли физико-математические науки, во второе — химические, в третье — геолого-географические, в четвертое — биологические, в пятое — науки технические, в шестое — исторические и философские, в седьмое — экономические, политические и правовые и, наконец, в восьмое — изучение литературы и языка. Для более успешного выполнения задач, поставленных социалистическим строительством в самых разнообразных областях теоретического знания, и своевременного внедрения достигнутых результатов в практику, Академия получила возможность включить в свою непосредственную работу не только действительных членов, но и членов-корреспондентов.

В 1939 г. Академия Наук единогласно избрала Иосифа Виссарионовича Сталина своим почетным членом за выдающиеся заслуги в развитии мировой науки и дальнейшем всестороннем развитии марксистско-ленинского учения.

К 1 января 1941 г. в Академии Наук было уже 119 действительных членов, 182 члена-корреспондента, 5 почетных членов; общее число всех сотрудников достигло почти 10 000 человек. К тому же времени в составе Академии Наук с ее филиалами насчитывалось 76 научно-исследовательских институтов и других научных учреждений; среди них 11 самостоятельных лабораторий, 6 обсерваторий, 42 станции, не считая подсобных учреждений, входящих в состав сложных институтов.

Перед самой войной на базе Грузинского филиала Академии Наук была организована самостоятельная Грузинская Академия Наук, а число филиалов Академии Наук СССР возросло до 8: Азербайджанский, Армянский, Казахский, Таджикский, Уральский, Западно-Сибирский, Узбекский и Туркменский. Основная цель филиалов, созданных по ходатайству соответствующих правительственных органов, состоит в изучении естественных производительных сил, истории, культуры, языка, народного творчества республик или краев и использовании этих знаний для дальнейшего их экономического и культурного подъема.

В предвоенные годы на окраинах Советского Союза работали, кроме того, три самостоятельные научные базы: 1) на Кольском полуострове, 2) в Архангельске и 3) в Уссурийском крае. Базы под руководством Академии Наук и ее виднейших работников вели исследования по наиболее актуальным местным научным

проблемам. При филиалах и базах, кроме институтов, имеется значительное число лабораторий, заповедников, садов, опытных полей, музеев, а также библиотек, число которых доходит до 50. Все это дает возможность ставить в филиалах опытную работу.

Как мы уже указывали, за последние десять лет значительно изменился метод работ Академии Наук. В работе Академии, на ряду с индивидуальной работой отдельных ученых, большое место заняли коллективные труды. В таких трудах участвовали иногда не только сотрудники данного учреждения, но также и сотрудники других институтов, и не только академических, но и отраслевых.

Примеры коллективных работ, служащих интересам народнохозяйственного плана, дает программа работ Академии, намеченная в докладе вице-президента академика Г. М. Кржижановского на мартовской сессии 1936 г. Здесь были указаны десять крупнейших народнохозяйственных задач, лежащих в основе экспедиционной, экспериментальной и теоретической работы Академии Наук; среди них: поиски полезных ископаемых, создание единой общегосударственной электрической системы, газификация Союза, разрешение проблемы моторного топлива и пр. Нередко задачи, которые ставила перед собою Академия, требовали для своей разработки кооперации сил нескольких институтов. Так, над проблемой Большой Волги работали институты: Геологический, Географический, Зоологический, Микробиологический, Энергетический.

Еще одна важная черта характеризует последние годы в работе Академии. Академия не оставляет своих законченных работ в стенах научно-исследовательских учреждений, не консервирует их, пока жизнь их не потребует. Академия принимает сама все меры к тому, чтобы довести до сведения заинтересованных ведомств о законченных работах для применения их на практике и доказать необходимость внедрения своих достижений. В течение ряда лет немало работ Академии Наук было воспринято с готовностью и благодарностью в химической, металлургической, оптической промышленности. С целью продвижения и внедрения в жизнь законченных работ Академии, которые требуют особой помощи правительства для освоения их производством или строительством, по ходатайству Академии была образована в 1939 г. специальная правительственная комиссия. По отчету Академии за 1939 г. в эту комиссию было представлено 55 законченных работ, из которых к концу года уже 23 работы были рассмотрены и приняты для практического использования.

Укреплению связи Академии Наук с производственными центрами и руководящими производством учреждениями в большой мере способствовали съезды, конференции, совещания, организованные Академией для обсуждения теоретических и прикладных вопросов. В 1940 г. с участием различных народных комиссариатов, ведомств и отраслевых научно-исследовательских учреждений было проведено 70 конференций и совещаний, в которых приняло участие свыше 8 тысяч человек, из них около 5 тысяч сотрудников научно-исследовательских учреждений. На конференциях и совещаниях обсуждались вопросы гетерогенного катализа, применения высоких давлений в химии и химической технике, химии комплексных соединений, производства и применения фенолов, доменных плавок, теплоустойчивых и жароупорных сталей, производства огнеупорных материалов вообще, типизации технологических процессов в машиностроении и пр. Одна конференция специально была посвящена трению и износу машин. Конференции давали направление в развитии теоретических исследований, прокладывали пути внедрения в жизнь результатов исследований, выносили конкретные предложения об их использовании.

Таким путем Академия Наук, помогая в решении основных проблем культурного и хозяйственного строительства страны, становилась передовым штабом советской науки. Труды Академии были отмечены рядом высоких наград правительства. Действительные члены Академии, ее члены-корреспонденты и научные сотрудники составляют весьма зачительную часть лиц, получивших Сталинские премии за научные труды.

Разросшуюся в предвоенные годы научную работу Академии Наук нет возможности осветить в кратком историческом обзоре, если даже останавливаться только на особо примечательных результатах.

В новой фазе деятельности Академии Наук, как и прежде, громадную роль играли комплексные экспедиции, организованные Советом по изучению производительных сил, а также и другими учреждениями и организациями (Комиссия по изучению стратосферы, Институт теоретической геофизики, Комиссия по солнечным затмениям и пр.).

В 1935 г. экспедиции СОПС наметили пути использования естественных ресурсов Карелии и Мурманского округа; Волжско-Камская экспедиция выясняла, главным образом, те вопросы, которые были связаны со строительством Большой Волги; на берегах

Черного и Каспийского морей экспедиции изучали солевые отложения, течения и гидрологию морей; в Закавказье экспедиции помогли составить схему Севано-Зангинского каскада и нашли ряд полезных ископаемых в Сванетии; Уральские экспедиции нашли новые месторождения хрома и никеля; в Западной Сибири были изучены соляные месторождения около Иртыша и Кулунды; Ойротская экспедиция 1936—1937 гг. установила месторождение редких металлов; в Киргизии были найдены новые месторождения свинца, олова, вольфрама и молибдена, а также индия; на Дальнем Востоке выделяются работы экспедиции 1934—1937 гг., направленной на Камчатку и изучавшей геологию полуострова, условия для развития сельского хозяйства и рыбных промыслов. Все эти экспедиции позволили поставить и решить ряд теоретических проблем (геохимические закономерности поведения комплекса полезных ископаемых, проблем, связанных со щелочными магмами на примере Кольского полуострова, генезис пустыни — на примере Кара-Кумов, факторы концентрации солей — на примере почв и соляных озер Союза и пр.). В 1939 г. Академия приступила к всестороннему, рассчитанному на ряд лет, изучению Урала.

В 1935 г. Институт генетики производил обследование животноводства Дагестанской АССР и других районов; Институт антропологии и этнографии производил археологические исследования на Дальнем Востоке; Институт горючих ископаемых организовал экспедицию для исследования озер Калининской области в связи с работами по исследованию генезиса сапропеля; Институт имени Ломоносова охватил экспедициями районы Южного Урала, Памира, Кольского полуострова и Грузии в поисках и изучении месторождений руд и ископаемых. В 1936 г. для наблюдения солнечного затмения в полосу его видимости было отправлено 26 советских (астрономических и геофизических) и 10 иностранных экспедиций. В 1937 г. IV Эльбрусская экспедиция по изучению стратосферы (направленная Физическим институтом имени П. Н. Лебедева) изучала вопросы, связанные с космическими лучами, оптикой атмосферы, физиологией человека на больших высотах и пр.

Всю свою научную и научно-организационную работу Академия Наук стремилась строить в соответствии с высокими задачами, поставленными перед советской наукой товарищем Сталиным в его историческом выступлении 17 мая 1938 г. на приеме работников Высшей школы. Великие идеи радостного служения

науки народу, тесного союза старых работников науки с ее молодыми работниками, смелого и дерзновенного новаторства в науке — не могли не найти самого горячего отклика в старейшем и авторитетнейшем научном центре Советской страны.

Своей экспедиционной деятельностью, своей сетью филиалов и баз, внедрением своих теоретических достижений в практику Академия Наук осуществляла свое участие в великом деле социалистического преобразования страны. Большая радость для работников науки, говорил академик В. Л. Комаров, это возможность своими исследованиями служить великому делу укрепления социалистического строительства.





22 июня 1941 г. полчища фашистской Германии обрушились на наши западные границы и вторглись в пределы Советского Союза.

Вся страна встала на защиту своей Родины. На другой день после начала войны состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума Академии Наук СССР. На нем присутствовало 60 человек руководящего состава и научных работников московских учреждений Академии. Собрание вынесло решение немедленно включиться в оборону страны и с этой целью: 1) обязать все Отделения и научно-исследовательские учреждения Академии Наук немедленно пересмотреть темы и перестроить методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи страны; 2) обеспечить научными силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике; 3) закончить те научно-исследовательские работы, которые можно применить в обороне и народном хозяйстве. Многие сотрудники Академии вступили добровольцами в народное ополчение и некоторые из них отдали свою жизнь в боях за честь и независимость родной страны.

Война поставила перед Академией новые сложнейшие задачи.

Историческая речь Иосифа Виссарионовича Сталина 3 июля 1941 г. нашла горячий отклик в Академии Наук. Указание нашего великого вождя и учителя: «Мы должны немедленно перестроить

всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага», — стало в Академии Наук руководящей идеей во всей ее деятельности. «Участие в разгроме фашизма, — говорил президент Академии Наук СССР академик В. Л. Комаров, — самая благородная и великая задача, которая когда-либо стояла перед наукой, и этой задаче посвящены знания, силы и самая жизнь советских ученых».

Весной 1942 г. товарищ Сталин обратился к Академии Наук с двумя телеграммами, в которых наметил основные направления работы Академии Наук в условиях Великой Отечественной войны: «Я выражаю уверенность, — говорилось в первой телеграмме товарища И. В. Сталина на имя президента Академии Наук академика В. Л. Комарова, — что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии Наук будет развиваться в ногу с возросшими требованиями страны, и Президиум Академии Наук под Вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед Академией задач».

В ответ на телеграмму Иосифа Виссарионовича Сталина Владимир Леонтьевич Комаров писал: «Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович! Ваша телеграмма глубоко взволновала меня, и я от всего сердца благодарю за то большое счастье, которое доставили старому русскому ученому строки, полученные им непосредственно от вождя его родины и народа. Ваша уверенность в том, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии Наук будет развиваться в ногу с выросшими требованиями страны, увеличивает мои силы во много раз. Эти чувства, я убежден, разделяют все советские ученые, они видят в Вашей телеграмме неизменную заботу в грозные дни Отечественной войны Партии и Правительства о нуждах советской науки и полны решимости оправдать оказанное им доверие. Хочу ответить Вам, Иосиф Виссарионович, делом — усиленной работой по мобилизации ресурсов Урала и других восточных районов на нужды обороны, поворотом всей Академии к максимальной и немедленной помощи фронту».

В новой телеграмме И. В. Сталина говорилось:

«Правительство с удовлетворением принимает Ваши предложения о всемерном развертывании деятельности научных учреждений Академии Наук, ее действительных членов и членов-корреспондентов, направленной на укрепление военной мощи Советского Союза.

Надеюсь, что Академия Наук СССР возглавит движение новаторов в области науки и производства и станет центром передовой советской науки в развертывающейся борьбе со злейшим врагом нашего народа и всех других свободолюбивых народов — немецким фашизмом.

Правительство Советского Союза выражает уверенность в том, что в суровое время Великой Отечественной войны советского народа против немецких оккупантов Академия Наук СССР, возглавляемая Вами, с честью выполнит свой высокий патриотический долг перед родиной».

Условия военного времени потребовали перестройки всей работы Академии Наук. Выполнение новых задач вызвало прежде всего организацию новых учреждений в системе Академии Наук типа комиссий, состоящих из специалистов, — для разработки специальных оборонных тем или консультативной помощи. Ряд таких комиссий возникал по мере развертывания работы: Комиссия по противотанковым средствам, Комиссия военной географии, Комиссия аэросъемки и маскировки, Комиссия геолого-географического обслуживания, Морская гидрофизическая лаборатория, Военно-санитарная комиссия и пр. Особенно большую работу провела Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, организованная в 1941 г. и работавшая под непосредственным руководством президента Академии Наук академика В. Л. Комарова. Ее достижения были отмечены Сталинской премией. В 1942 г. Комиссия распространила свою деятельность на Западную Сибирь и Казахстан.

Была перестроена также научная работа институтов, поставивших в первую очередь выполнение тем, содействующих обороне, созданию новых видов и типов вооружения и боеприпасов, развитию военной промышленности и транспорта, изысканию замены жидкого топлива, разработке средств и методов лечения и сохранения жизни бойцам, повышению продуктивности сельского хозяйства, развитию пищевой промышленности и т. п.

В течение первых двух лет войны Академия принуждена была работать в условиях эвакуации. Учреждения и отдельные группы научных сотрудников в 1941—1943 гг. находились в 16 географических пунктах Союза: в Москве, Ленинграде, Свердловске, Казани, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Сталинабаде, Самарканде, Ашхабаде, Тбилиси, Боровом, Миасе и др.

Особенно тяжелы были условия работы академических учреждений, остававшихся в осажденном Ленинграде. Ленинград подвер-

гался артиллерийским обстрелам и бомбардировкам. Многие сотрудники Академии несли круглосуточную службу в командах МПВО и выполняли трудовые работы по защите города. Особенно трудными периодами были зима и весна 1941—1942 гг. Не было необходимого количества топлива и электроэнергии; не работали водопровод и канализация, отсутствовали средства передвижения; длительными периодами не работала связь. В зданиях от обстрелов и бомбардировок образовались пробоины в стенах, крышах и потолках, в окнах были выбиты стекла и частично рамы. Вставляемая фанера вновь выбивалась взрывной волной или осколками от снарядов.

Но, несмотря на все эти трудности, жизнь в осажденном городе продолжалась. Многие научные ценности были спасены от гибели сотрудниками музеев, библиотек и архивов Академии Наук в тяжелейшие дни первой блокадной зимы в Ленинграде. А в апреле 1942 г., когда лютые морозы стали перемежаться с первыми оттепелями, научные работники Академии Наук, узнав, что возобновляется и может продолжаться их научная работа, пришли на заседание вновь организованного объединенного Ученого совета под председательством академика И. Ю. Крачковского.

Немцы, осаждавшие Ленинград, натолкнулись на необычайную волю русского человека: бойца, ленинградского рабочего, домохозяйки, ученого. И историку Академии Наук никак нельзя, в ряду других, более замечательных дат, не отметить и эту не столь заметную, но знаменательную дату — 1 апреля 1942 г., когда советские ученые, стиснутые голодом и лишениями в осажденном Ленинграде, смотря в глаза смерти, сумели найти в себе силы и волю к продолжению своей научной работы.

Ввиду территориальной разобщенности эвакуированных учреждений Академии организация их работы вызывала много затруднений. Не везде учреждения находили благоприятные условия для работы; для больших лабораторий на местах трудно было получить достаточное количество электроэнергии, воды, газа и пр. И все же главнейшие институты включились полностью в работу по оборонной тематике; другие вели исследования, отвечающие местным культурным и хозяйственным интересам. Не случайно именно в годы Отечественной войны были организованы новые филиалы Академии Наук (Киргизский, Западно-Сибирский) и созданы на базе прежних филиалов новые научные

республиканские центры — Академия Наук Узбекской ССР, Академия Наук Армянской ССР и, в самое последнее время, Академия Наук Азербайджанской ССР.

Президиум Академии после эвакуации из Москвы сначала находился в Казани, затем, в 1942 г., был переведен в Свердловск. На осенней сессии 1942 г., в дни великих битв под Сталинградом, Академия Наук подводила итоги своей 25-летней работы при Советской власти.

Президент Академии Наук академик В. Л. Комаров в своей заключительной речи на этой сессии сказал:

«Все мы чувствуем, что приближается то время, ради которого все мы живем и работаем, — приближается час победы над немецкими разбойниками. Мы надеемся, что недалек тот час, когда наша Академия будет снова вся вместе и с еще большей энергией будет работать на благо народа». И действительно, вскоре великие победы Красной Армии под водительством мудрого стратега И. В. Сталина и его маршалов откинули вражеские полчища далеко на запад. Летом 1943 г. Академия вернулась в Москву. Участники сентябрьской сессии, первой по возвращении Академии в свой родной город, никогда не забудут тех дней радости и гордости за великий советский народ, нашедший в себе силы не только для обороны, но и для большой культурной работы в дни и ночи небывалых еще по своей грандиозности битв.

Заседания сессии проходили под грохот артиллерийских салютов, отмечавших победное движение Красной Армии на запад.

В 1943—1944 гг. работа в реэвакуированных учреждениях полностью развернулась. Был тщательно разработан план работ Академии на 1944 г., были подведены итоги деятельности Академии Наук за время войны.

Много было волнений за многострадальный, ежедневно обстреливаемый из дальнобойных орудий Ленинград и за оставшихся в нем героических ленинградцев, в том числе и научных работников, охранявших научные ценности мирового значения.

В январе 1944 г. Ленинград был полностью освобожден от блокады. От артиллерийских обстрелов и разрывов авиационных бомб жестоко пострадал прекрасный город, в том числе и академические здания. Немецкими варварами была сожжена и превращена в руины известная всему миру Главная астрономическая обсерватория в Пулкове, был увезен или уничтожен громадный академический глобус, находившийся в городе Пушкине; в самом

Ленинграде были разрушены прекрасные оранжереи в Ботаническом саду Академии Наук, были повреждены осколками снарядов, зажигательными и фугасными бомбами здания Физиологического института имени акад. И. П. Павлова, Зоологического института; было изранено старинное здание колыбели русской науки — бывшей Кунсткамеры и здание одной из старейших в Союзе и замечательной по богатству шрифтов Академической типографии.

Но, к счастью для нашей и мировой культуры, научные ценности, находившиеся в этих зданиях, — музейные, библиотечные, архивные — и лабораторное имущество остались целыми. Их пощадил не случай, их спасла самоотверженная работа охранявших их научных и технических академических работников, не раз тушивших пожары, начинавшиеся после вражеских налетов и обстрелов. Из погибшей Пулковской обсерватории все же удалось спасти некоторые инструменты, весь ее научный архив за сто лет и наиболее ценные книги из ее библиотеки.

За время войны Академия Наук значительно пополнилась новыми членами. В мае 1942 г. в Свердловске было избрано 5 новых академиков. В сентябрьскую сессию 1943 г. было избрано 36 действительных членов и 58 членов-корреспондентов.

Возник ряд новых учреждений, вызванных к жизни не только тематикой военного времени, но и не прекращавшимся и во время войны культурным строительством: организованы в 1944 г. Институт истории искусств, Институт русского языка и др.

К 1945 г. Академия включает 53 института, 16 лабораторий, 35 станций, 31 комиссию, 15 музеев. На 1 января 1945 г. Академия в своем составе имела 142 академика, 3 почетных академика, 200 членов-корреспондентов и свыше 4000 научных сотрудников, не считая технического персонала.

Во время войны, особенно после реэвакуации, Академия провела несколько научных конференций и торжественных собраний, посвященных памяти великих ученых и другим юбилейным датам в истории мировой и отечественной культуры и науки: 100-летие со дня рождения К. А. Тимирязева, 150-летие со дня рождения Н. И. Лобачевского, 50-летие со дня смерти П. Л. Чебышева, 250-летие со дня рождения Ф. Вольтера, 75-летие со дня смерти А. И. Герцена и др. Особенного упоминания заслуживает великая юбилейная дата в истории науки — 300-летие со дня рождения Исаака Ньютона. Академия Наук СССР в январские дни 1943 г., когда шла битва на Волге за Сталинград, отметила юбилей

Ньютона в разных местах Союза, где тогда находились отдельные ее учреждения или группы сотрудников, рядом собраний с научными докладами, посвященными великому английскому ученому. Даже в далеком Боровом в Северном Казахстане было устроено торжественное заседание, на котором выступили академики А. Н. Крылов и Л. И. Мандельштам.

Поверенный в делах Великобритании в Москве вручил в связи с этим в январе 1944 г. Академии Наук СССР подарок Королевского общества в Лондоне — первое издание 1687 г. «Математических начал натуральной философии» и черновик письма Ньютона Александру Меншикову, первому русскому, избранному членом Общества.

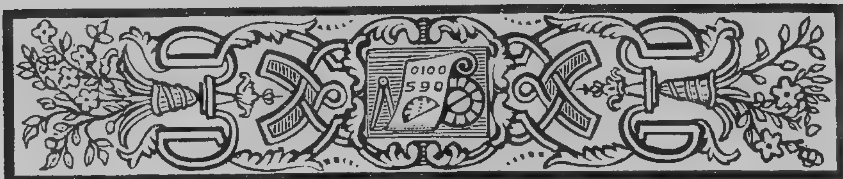
Сейчас, после блистательной победы нашего народа над фашистской Германией, Академия Наук СССР перестраивает свою работу в соответствии с потребностями нового исторического периода.

Товарищ Сталин в личных беседах с президентом Академии Наук В. Л. Комаровым (в 1944—1945 гг.) с предельной ясностью и глубиной определил задачи, стоящие перед Академией Наук СССР. Товарищ Сталин подчеркнул в этих беседах, что на ряду с научными исследованиями, направленными на удовлетворение потребностей социалистической промышленности, Академия должна уделять первостепенное внимание широким теоретическим и историческим исследованиям.

Празднование 220-летнего юбилея Академии Наук — триумф советской науки. К своему юбилею многотысячный коллектив Академии Наук приходит готовым к выполнению новых больших задач. Советские ученые стремятся быть достойными своего героического народа и его Красной Армии, победившей фашистов и водрузившей знамя победы над Берлином, стремятся быть достойными своих предшественников, великих русских ученых, завещавших нам служение народу, истине, справедливости и прогрессу.

Наш народ побеждает врагов не только своей военной мощью и доблестью своих воинов, он побеждает также своей многовековой культурой, наукой и техникой.





ГЛАВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

РУКОПИСНЫЕ И ПЕЧАТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Протоколы заседаний Конференции Академии Наук, отчеты, речи.

Регламенты, Уставы, Положения; сборники, дела и отдельные документы учреждений Академии Наук.

Личные архивы академиков и других ученых.

Неопубликованные рукописи работ по истории Академии Наук академиков К. С. Веселовского, В. И. Вернадского, Н. Я. Марра и др., а также «История Академии Наук СССР», т. I, 1724—1917 гг., коллективный труд, подготовленный сотрудниками Комиссии по истории Академии Наук СССР и Архива Академии Наук СССР, 1941.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ И СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

1. Общие

Пекарский П. П. История имп. Академии Наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870; т. II, СПб., 1873.

Материалы для истории имп. Академии Наук 1716—1750 гг., тт. I—X, СПб., 1885—1900.

Миллер Г. Ф. Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg (составлено из материалов, собранных Миллером для истории Академии Наук к 50-летнему ее юбилею). Вошло в т. VI «Материалов» (см. выше).

Куник А. А. Сборник материалов для истории имп. Академии Наук в XVIII в., ч. I и II, СПб., 1865.

Веселовский К. С. Историческое обозрение трудов имп. Академии Наук на пользу России в прошлом и текущем столетиях. Речь, чит. на торж. собр. Академии Наук 29 декабря 1865 г., СПб., 1865, 40 стр.

Материалы для истории академических учреждений за 1883—1914 гг., П., 1917.

Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук. Части 1 и 2, П., 1915 и 1917.

Фус П. Н. Академия Наук (имп. С.-Петербургская), 1724—1835 гг. Энциклопед. лексикон, т. I, СПб., 1835, тип. А. Плюшара, стр. 320—327.

Ламанский В. И. Имп. Академия Наук. Энциклопед. словарь, изд. учеными и литераторами, П., 1861, стр. 272—286.

Модзалевский Б. Л. Академия Наук имп. Санкт-Петербургская. Новый энциклопед. словарь Брокгауза, т. I, СПб., 1914, стр. 638—660.

Ольденбург С. Ф. Академия Наук СССР, Большая советская энциклопедия, М., 1929, т. I, стр. 783—790.

Князев Г. А. Академия Наук СССР, Малая советская энциклопедия, изд. 2-е, т. I.

Сухомлинов М. И. История Российской Академии, тт. I—VIII, СПб., 1875—1888.

2. *Отдельные книги и статьи*

Академическая типография. 1728—1928. Л., 1929, 110 стр.

Бекетов Н. Н. История химической лаборатории Академии Наук, Ломоносовский сборник, М., 1901, стр. 33.

Бернер В. И. История С.-Петербургской Академии Наук в «письме» Г. А. Гея 1741 года. Из книги, изд. в Касселе в 1744 г. Первый по времени появления в печати очерк Петербургской Академии на французском языке, отд. отт. из Материалов по истории Библиотеки Академии Наук (октябрь, 1929).

Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом, Л., 1926.

Богословский М. М. Петр Великий в Англии в 1698 г. (Труды Института истории, сб. стат., в. 1, М., 1926).

Бороздин А. К. Академический университет в XVIII веке, Исторический Вестник, 1886, IV, стр. 120—133.

Веселовский К. С. Время президентства Д. Н. Блудова в Академии Наук, 1855—1864, Русская Старина, 1901, № 12, стр. 495—528.

Веселовский К. С. О развитии деятельности Академии в последнее 50-летие (в середине XIX в.), Зап. Академии Наук, 1877, т. XXIX, кн. 1, стр. 13—25.

Веселовский К. С. Последние годы прошлого столетия в Академии Наук, Русская Старина, 1898, № 6, стр. 225—245.

Волгин В. П. Академия Наук СССР за четыре года, 1930—1933 гг. Речи и статьи. М., 1934, 118 стр.

Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX вв., хронологические обзоры и описание архивных материалов, М.—Л., Труды Архива, вып. 4 (1939).

Каталог изданий имп. Академии Наук, часть 1. Период. издания, сборники, отчеты и серии на русск. и иностр. языках с 1726 по 1 июня 1912 г., сост. В. Р. Барановский и И. А. Кубасов, СПб., 1912; ч. II, 1915; ч. III, 1916.

Князев Г. А. Д. И. Менделеев и царская Академия Наук (1858—1907) (с 1 факсимиле), Архив ист. науки и техн., в. VI, стр. 299—331.

Князев Г. А. Д. И. Менделеев и императорская Академия, Вестник Академии Наук, 1931, № 3.

Князев Г. А. Порицание академикам за участие в «Записке 342 ученых», Вестник Академии Наук, 1931, № 4.

Князев Г. А. Научные экспедиции XIX в. по материалам Архива Академии Наук СССР, Вестник Академии Наук, 1931, № 8, стр. 59—66, и материалы экспедиций Академии Наук, Вестник Академии Наук, 1934, № 10, стр. 42.

Князев Г. А. и *Князева М. Ф.* Научные связи И. М. Сеченова с Академией Наук, Архив ист. науки и техники, в. VII, Л., 1935.

Кузнецов Б. Г. Очерки русской науки, Л., 1940. (Наука при Петре I. Создание Академии. Иностранные ученые в Академии. Эйлер).

Куник А. А. Исторический взгляд на академическое управление с 1726 по 1803 г., Ученые записки имп. Академии Наук, III, 5 (1885), стр. 689—692.

Лазарев П. П. Точные науки в России за двести лет, ГИЗ, 1925 (то же на франц. и немецк. яз.).

Лаппо-Данилевский А. С. Петр Великий — основатель имп. Академии Наук в С.-Петербурге, П., 1915.

Ленин о Петре I. Соч. (2-е изд.), т. III, стр. 329 (744); т. IV, стр. 526; т. XVII, стр. 314; т. XXII, стр. 517.

Луначарский А. В. К юбилею Академии Наук, журнал «Народное просвещение», М., 1925, № 9.

Любименко И. И. Об основании Российской Академии, Труды Института истории науки и техники, сер. I, вып. 6.

Любименко И. И. Подготовка русских академических кадров в XVIII столетии. Вестник Академии Наук, 1936, № 2, стр. 53.

Любименко И. И. Ученая корреспонденция Конференции Академии Наук, Вестник Академии Наук, 1934, № 4.

Любименко И. И. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII в., 1766—1782, научное описание, под общ. ред. акад. Д. С. Рождественского, Труды Архива, в. 2, М. — Л., 1937.

Модзалевский Б. Л. Список членов имп. Академии Наук, 1725—1907, СПб., 1908.

Модзалевский Б. Л. Список действительных членов Академии Наук СССР, 1725—1925, Л., 1925.

Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова в Академии Наук, научное описание, М. — Л., Труды Архива Академии Наук, вып. 3 (1937).

Ольденбург С. Ф. Двести лет научной работы (Всесоюзная Академия Наук, 1725—1925), Вестник знаний, 1925, № 15.

Очерк истории музеев имп. Академии Наук, СПб., 1865 (статьи Ф. Ф. Брандта, Ф. И. Рупрехта, А. Ф. Гебеля, Б. А. Дорна и Л. И. Гримма).

Пекарский П. П. Академическая типография в старину и нынче. (В книге — Образцы шрифтов типографии и словолитни Академии Наук, СПб., 1870).

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. 2 тома, СПб., 1862.

Пекарский П. П. Первые профессоры Академии Наук и первые ученики их. Атеней, 1858, № 14.

Рыкачев М. А. Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности, 1849—1899; ч. I, СПб., 1899.

Серебряков. Зоологический кабинет Кунсткамеры, Архив ист. науки и техники, вып. 9, М.—Л., 1936.

Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, СПб., 1885.

Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии, СПб., 1885.

Тонкова Р. М. К вопросу о начале печатания Санкт-Петербургских ведомостей при Академии Наук, Вестник Академии Наук, 1934, № 7—8, стр. 58.

Фус П. Н. Исторический очерк деятельности Академии Наук в 25-летие президентства Уварова, Rec. des Actes, 1841 et 1842, стр. 181—205.

Черников А. М. К 200-летию издания Академией Наук первого «Всемирного атласа» на русском языке, Вестник Академии Наук, 1938, № 1, стр. 80—82.

Шемиот В. П. Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в период. изд. и сборниках имп. Академии Наук, а также сочинений, изданных отдельно, т. I и II, СПб., 1872—1875; СПб., 1875; дополн. 1885.

Шемиот В. П. Table générale méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Imp. des Sciences, СПб., 1872; дополн. 1882.

Юферов Д. В. Ранняя деятельность Академической типографии (1727), Вестник Академии Наук, 1933, № 2, стр. 27—31.



Редактор издательства
Ц. М. Подгорненская

Художественное оформление книги
художника Н. А. Седельникова

Подписано к печати 4 июня 1945 г.
А16125. РИСО № 2348. 6 печатных листов
+ 1 вклейка $^1/_4$ печ. листа. 6 уч.-изд. л.
Тираж 5000 экз. Цена 5 руб.
Заказ № 5027.

Первая Образцовая типография треста „Полиграфкнига"
Огиза при СНК РСФСР.
Москва, Валовая, 28.

5 руб.



